

“ХРОНИКИ ДРАКОНЬЕЙ ИМПЕРИИ”

Алина Улицкая

Не
единственная

Алина Углицкая (Не)единственная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946675

SelfPub; 2023

Аннотация

Однажды в мою дверь постучала женщина, похожая на меня как две капли воды. И предложила то, от чего я не смогла отказаться. Мы заключили с ней договор. Теперь я должна выносить и родить ребенка для ее мужа-дракона, а взамен она исполнит мою мечту. Но подписывая этот контракт, я не догадывалась, что меня ждет. Не ожидала, что во мне проснется запретная магия, и что я влюблюсь в чужого мужчину!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	72
Глава 7	82
Глава 8	93
Глава 9	106
Глава 10	118
Глава 11	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Алина Углицкая (Не)единственная

Пролог

Если кто-то предлагает исполнить твою сокровенную мечту – не соглашайся. Это может стоить куда дороже, чем ты готова отдать. Но есть желания, за которые не жалко и жизни. Моё как раз из таких.

– Так оформи его в детский дом, – голос матери отрывает меня от мыслей.

Кажется, я задумалась, уставившись на чашку, которую крутила в руках. Чай в ней давно остыл.

– Нет, мама. Мы это уже обсуждали.

– Я не предлагаю тебе отказываться от сына! Но посмотри на себя. На тебе лица уже нет. А там за ним уход будет, сиделки, нянечки. Ты хоть работу нормальную сможешь найти! Или так и будете сидеть на моей шее?

Да, все так, все правильно. Но я приняла решение и не собираюсь его менять, чего бы мне это ни стоило.

– Не хочу, не могу и не буду никуда его отдавать, – повторяю твердо и зло. – И давай закончим этот разговор, пока окончательно не разругались.

– Вот заладила! – мать бьет по столу кулаком. – Другие могут, а она – нет. Ишь какая сердобольная. Анька, да приди ты в себя! Пашка умер, все, его нет! А тебе от него только этот... доходяга достался.

– Этот доходяга – мой сын! – отрезаю ее же тоном. – И твой внук!

Да, моя мама может быть жестокой и хладнокровной, когда это надо. А еще умеет убеждать. Но сегодня она зря старается.

– Послушала бы врача, сделала аборт и не мучилась бы сейчас.

– Замолчи, мама!

Как же больно слышать такое от матери. Но я прячу боль глубоко внутри. Боль – это слабость, а я должна быть сильной, и не только ради себя.

Мама поджимает губы. В глазах – осуждение, но где-то за ним спряталась жалость.

А вот жалеть меня тоже не надо. Хватит, у меня был целый год, чтобы обливаться слезами и сетовать на судьбу.

– Ну, как знаешь, – ворчит она и отводит взгляд. – На пособия долго не протянешь, а я больше помогать не могу. Николай больной, сестра твоя учится. У нас своих трат полно.

– Не нужно мне помогать. Сама справлюсь.

Она встает со стула, подходит и обнимает меня. Я позволяю себе секундную слабость: утыкаюсь лицом в мягкую мамину грудь.

– Не дури, Анька, – слышу ее увещающий голос.

Она неловко гладит меня по голове. Неловко, потому что моей маме в принципе несвойственно проявление нежных чувств.

– Сделай, как я говорю, – продолжает она. – Сама посуди, ну кому ты нужна с больным ребенком? Кто тебя на работу возьмет? Как ты вообще жить собираешься? Ему ведь уход нужен, лечение! Ты и так целый год потеряла.

– Выкручусь как-нибудь, – шепчу, – я сильная, я справлюсь. Найду работу в интернете, буду статьи за деньги писать, но Темочку не отдам.

Она отстраняется.

– Так чего ж до сих пор не нашла? – в ее тоне бьется злая ирония.

– Плохо искала.

– Глупая, глупая Анька. Какое ж ты еще дитё у меня!

Нет, мама, я уже взрослая. Я повзрослела в тот день, когда врач на УЗИ обнаружила патологию плода. Это было на седьмом месяце беременности. Нам с мужем предложили искусственные роды...

Но я не смогла. И он не смог. Мы так ждали нашего первенца!

А через месяц Пашки не стало. Его убила проклятая аневризма. Внезапно, без всяких предпосылок. Просто р-раз – и веселого вихрастого Пашки не стало. От стресса у меня начались преждевременные роды. Темочка родился восьми-

месячным, и я...

Я осталась одна с больным малышом на руках, который, возможно, никогда не будет ходить...

***

Мама уходит, унося с собой осуждение. Я беру телефон и планомерно обзваниваю областные редакции, предлагающие работу журналистам «в запасе». Но никто не желает взять меня даже внештатным сотрудником.

Мать права: кому я нужна без опыта, без рекомендаций, да еще с годовалым ребенком?

Чувствую себя загнанной в угол, разбитой. Ложусь рядом с сыном в кровать.

Его маленькая хрупкая жизнь – это все, что есть у меня. Все, что осталось от нескольких лет счастливого брака. Да еще фотография в черной рамке на столике и увядший букет...

Тихое дыхание подсказывает, что сынишка уснул. А вот я не могу. Лежу, до рези в глазах вглядываясь в потолок, будто там написан ответ. И мне кажется, что узоры на обоях шевелятся.

Наверное, это от стресса. После смерти Пашки все так изменилось... Стали сниться странные сны, мерещиться всякое... И чем дальше, тем больше.

Надо бы в церковь сходить, причаститься. Но это потом.

Сейчас у меня есть дела поважнее.

И первым в списке стоит – найти работу, чтобы оплатить няню и продолжить сеансы массажа для Темочки.

После рождения сына я подрабатывала по мере сил. Занималась копирайтингом, предлагала свои статьи на разных биржах. Но получала копейки. Львиную долю моих трат брали на себя родители, но недавно отчим заболел, у него обнаружили опухоль. И сегодня мама пришла мне сказать то, о чем я сама уже догадалась: она больше не может нас содержать. Отчиму требуется дорогое лечение, на которое еще неизвестно, где брать деньги. Он хороший человек, вырастивший меня, подаривший счастливое детство и младшую сестренку. Я не в обиде на маму.

Но я не сдамся. И Темку в детдом не отдам!

Глядя, как рисунок на потолке закручивается в тугую спираль, я тихо шепчу себе, что поставлю сына на ноги. Даже если для этого придется душу продать.

– Клянусь, что пойду на все! Если нужно – убью, украду. Но мой Темка будет ходить!

Последнее слово тает в воздухе. Меня охватывает странное ощущение, ставшее в последнее время привычным.

Будто в комнате находится кто-то еще.

Приподнимаюсь на локте, настороженно осматриваюсь.

Может, это призрак мужа наблюдает за мной? Да нет, ерунда. Я в сказки не верю...

Вижу, как ветер из приоткрытой фрамуги шевельнул тюль

на окне, пробежался по спальне, коснулся букета и затих где-то среди увядших цветов.

А потом слышу вкрадчивый голос:

– Мы могли бы помочь друг другу...

Глава 1

Наутро все кажется сном. Какие-то тени, шорохи по углам, странный голос...

Наверное, у меня и правда уже крыша едет. Сейчас покормлю Артема, и пойдем с ним гулять. Врач сказала, ему нужен свежий воздух и солнечные ванны, а на улице сегодня как по заказу отличная погода. Город после ночного дождя стоит как умытый. Яркое солнышко, ясное небо.

Сказано – сделано.

Накормив и одев сынишку, сажаю его в коляску и направляюсь к выходу из квартиры. Осталось только самой обуться. Но едва успеваю коснуться теннисок, как в дверь кто-то стучит. Громко. Настойчиво.

Странно... Вроде бы гостей я не жду...

На всякий случай смотрю в глазок.

Перед дверью стоит женщина в темно-лиловом пальто. Ее лицо закрывает густая вуаль, спускающаяся со шляпки-таблетки. Незваная гостья сжимает перед собой руки, затянутые в перчатки, и крутит перстень с крупным камнем.

Я напрягаю память, но никого похожего из своих знакомых вспомнить не получается.

Пока думаю, стоит ли открывать, незнакомка опять стучит. И в этот раз в ее стуке отчетливо слышна нервозность.

Может, это ответ на мои молитвы? Например, попечительница какого-то благотворительного фонда? Только странно, что одна...

И как в подъезд попала? Кто ей открыл? У нас там магнитный замок.

Все еще сомневаясь, поворачиваю ключ.

Незнакомка стремительно входит в квартиру, обдавая меня ароматом дорогих восточных духов. Амбра, сандал, белый мох... Такие духи больше подошли бы мужчине...

– Добрый день...

Не успеваю договорить.

Потому что она легким взмахом откидывает вуаль, и я понимаю, что мне нужно сесть.

Да и как же иначе, когда на меня смотрит мое собственное лицо? То самое, что каждый раз вижу в зеркале. Только более утонченное, более ухоженное. Холеное. В серых глазах – моих глазах! – плещется легкое любопытство, снисхождение и... брезгливость?

Я оседаю на банкетку...

– Кто вы? – хриплю.

– Ой, прошу простить меня, – незнакомка всплескивает руками. – Забыла представиться. Анабель.

– Анабель? – переспрашиваю, глупо хлопая ресницами. –

И все?

– Да, пока вполне достаточно. Ну, а как тебя звать, я знаю, можешь не представляться.

Она проводит рукой в перчатке по столику у дверей, морщится и садится на него, не забыв поправить подол.

– У меня к тебе предложение.

В ее руках появляется ридикуль. Я смотрю на него и только тогда начинаю соображать, что мой двойник очень странно одета. Словно сошла с обложки исторического романа. Ее пальто, виднеющийся из-под него подол платья с оборками, перчатки, шляпка с вуалью и ридикуль – все это представители прошлого и были в моде лет этак двести назад...

– Кто вы такая? – повторяю на чистом упрямстве.

– Твое спасение, деточка, – она машет у меня перед носом какой-то бумажкой, свернутой в виде свитка. – Можешь считать меня крестной феей. Я дам тебе то, что ты хочешь, в обмен на ма-а-алюсенькую услугу.

– То, что я хочу? Ничего не понимаю...

– Ребенок! Ты же хочешь, чтобы твой сын был здоров? Вот, я сделаю так, что он будет ходить, но за это...

В коляске хнычет Артёмка.

Поднимаюсь, беру его на руки. Моя копия наблюдает за мной. Взгляд незнакомки впивается в сына. Пристальный, изучающий. Хищный.

Я отворачиваюсь, инстинктивно прикрываю ребенка спиной.

– Это розыгрыш, да? – мой голос дрожит от гнева. – Кто вас сюда отправил? Моя мать? Так передайте ей, что я уже все решила!

– Ты меня с кем-то путаешь. Я твою мать знать не знаю.

– Тогда как вы узнали про меня и про Тёмку?

– Какая разница? – фыркает. – Скажем так, у меня особые связи.

– Издеваетесь?

– Не груби, – резко бросает она, – я ведь могу и кому-то другому предложить договор. И поверь, найдется достаточно желающих его заключить!

Мое сердце сжимается.

– Какой договор?

Она улыбается. И что-то в этой улыбке заставляет меня обнять Тёмку сильнее.

– О, ерунда. Я могу оказать тебе большую услугу, а взамен прошу сущую безделицу.

– Душу? – зачем-то бросаю я.

На ее лице отражается недоумение.

– Душу? Да на кой мне твоя душа! Нет, я хочу, чтобы ты выносила и родила наследника моему мужу. Только так, чтобы он не знал о подмене.

– То есть... как?

Нет, это точно чей-то розыгрыш. Ну никто в здравом уме не придет предлагать такое, да еще незнакомому человеку!

– Как-как! Молча. Ты отправишься в мой мир и притворишься мной, а я здесь заменю тебя. Разумеется, временно, пока ты не забеременеешь. Конечно, придется немного подправить твою внешность, – она окидывает меня таким взгля-

дом, что я ощущаю свою ничтожность, – плюс дам тебе особые капли, что изменят твой запах. Дарион ничего не должен узнать. Драконы, они такие...

По мере того, как она говорит, мои глаза расширяются все больше и больше. Но последняя фраза добивает меня.

– Драконы? – переспрашиваю, постепенно зверея.

– Ой, а я не сказала? – она машет рукой. – Мой муж дракон. Ну, вообще-то, большую часть времени он проводит в образе человека, но это не меняет того, что он гхарров дракон. Дарг, как они сами себя называют, лаэрд Изумрудного клана. И если я в течение ближайших двух месяцев не забеременею, он просто меня убьет! И женится на другой. А мы с тобой можем спасти друг друга!

Последние слова она произносит, сжимая свой ридикуль с такой силой, что в нем отчетливо что-то хрустит.

– Драконы, значит, – бормочу я, укладывая Тёмку в коляску, и направляюсь к госте. – Все с вами ясно...

Хватаю ее за плечо, толкаю к дверям, несмотря на сопротивление. Меня распирает от желания хорошенько треснуть эту мадам. Но вместо этого только шиплю рассерженной кошкой:

– Убирайтесь! Вместе со своими драконами! И кормите этими баснями кого-то еще. А меня оставьте в покое!

Выталкиваю гостью на площадку. С грохотом захлопываю дверь у нее перед носом. Оборачиваюсь, прижимаюсь спиной и бессильно сползаю вниз.

На глаза наворачиваются злые слезы.

А я ведь поверила! Буквально на миг, но поверила, что она мне и правда поможет...

***

Настроение испорчено. Но я, стиснув зубы, отправляюсь с Тёмкой на прогулку. Мысли о странной женщине не покидают. До самого вечера ее образ стоит перед глазами. Я везде слышу запах ее духов, он словно преследует меня. В голове теснятся вопросы: кто она, как нашла меня, почему мы с ней так похожи?

Нет, не думать об этом, забыть. Мало ли сумасшедших! Еще и драконов сюда приплела. Хорошо, что не эльфов.

Половину ночи провожу за компьютером. Изучаю вакансии на сайтах. Отправляю резюме на все адреса. Даже на адрес колл-центра и цветочного магазина. Может быть, повеет, и кто-то ответит...

Так за заботами проходит еще один день.

Вечером обнаруживаю, что в холодильнике нет молока. А ведь еще утром оставалась целая упаковка. Как я могла ее использовать и не заметить? Наверное, от недосыпа...

Надо идти в магазин, иначе наутро Тёмке не будет каши. Заглядываю в детскую. Моя радость спит в своей кроватке и, кажется, просыпаться не собирается.

Смотрю на часы: начало одиннадцатого. Успею. Сбегаю быстро туда и назад, к тому же магазин в нашем доме, все-го-то три подъезда пройти...

Обуваюсь, набрасываю ветровку, выбегаю, не забыв хорошенько захлопнуть дверь. И с размаху впечатываюсь в чужие руки. Два незнакомца в темных плащах хватают меня. Их лица скрыты в тени капюшонов.

Я кричу.

Пытаюсь кричать.

Чужая ладонь закрывает мне рот.

В ужасе вижу, что ко мне приближается черная маска.

– Тихо! – произносит надтреснутый голос. – Ты пойдешь с нами!

Дергаюсь как червяк на крючке, задыхаюсь от ужаса. Это похищение? Господи, да кому я нужна, чтобы меня похищать?

Словно в ответ на мои мысли впереди, прямо в облезлой стене подъезда, вспыхивает алая точка. Расширяется, превращаясь в овал. В этом овале, словно за тонкой радужной пленкой, я вижу очертания незнакомой комнаты. Вижу моего двойника. Она сидит в кресле у камина. Но вот поднимается мне навстречу, улыбается и машет рукой.

И в тот же момент мои похитители толкают меня. Прямо в этот овал.

Прямо в ту комнату.

Пролетаю невидимую преграду, падаю на ковер. В голове

воцаряется полный хаос.

– Приятно снова увидеться, – сквозь шум в ушах раздаётся насмешливый голос. – Надеюсь, на этот раз ты выслушаешь меня до конца. И сделаешь правильный выбор.

***

– Кто ты такая?

– Я уже называлась.

– Что тебе от меня нужно?

– Я уже говорила.

– Ты сумасшедшая!

– Не более, чем все остальные.

– Отпусти меня! Мне нужно домой, к сыну!

– Конечно же, отпущу, как только сделаешь то, что мне нужно.

– Но почему именно я?!

Мы сидим за столом. Мебель в комнате будто из Эрмитажа. Семнадцатый век? Восемнадцатый? Везде резьба, позолота и тяжелые бархатные портьеры. Потолок украшен лепниной, на полу – ковер из шкуры медведя, тот самый, о чью лапу я запнулась после «ласкового» толчка в спину.

В воздухе витает аромат все тех же духов. У камина точно две статуи застыли мои похитители.

– Ты единственная, кто мне подходит, – морщится Анабель. – Извини, ничего личного. Но подумай сама, разве мое предложение так уж плохо? Тебе достаточно забеременеть от моего мужа – и я отправлю тебя домой. А когда придет срок – вернусь за ребенком. У вас же так делают? Кажется, это называется... – она морщит нос. – А, суррогатное материнство! Взамен ты получишь то, чего желаешь больше всего на свете: здоровье твоего сына.

Она толкает ко мне стеклянный шар на медной подставке. Я невольно заглядываю в него.

Забываю, что надо дышать.

Потому что вижу сынишку. А рядом с ним – себя в платье, которого у меня отродясь не водилось. Или это все-таки Анабель?

Тёмка сидит в кроватке, обложенный подушками. Женщина, кем бы она ни была, наклоняется и что-то шепчет ему.

– Что... что ты делаешь?!

Кажется, у меня сейчас выпрыгнет сердце!

– Ничего плохого. Смотри!

Мой двойник в шаре берет Тёмку за руку. Я задыхаюсь, а он смеется. Я почти теряю сознание, а он встает. Боязливо поднимается на тонкие ножки и делает шаг... другой...

Перед глазами начинает стелиться туман. Кажется, это слезы...

Шар темнеет, картинка меркнет. Я понимаю, что дрожу всем телом, так, что зуб на зуб не попадает. Не могу поверить

в то, что увидела!

Анабель протягивает стакан воды. Я хватаю его обеими руками, пью, обливаясь.

– Решай. Сделаешь то, что от тебя требуется – и он будет ходить, – говорит она жестким, холодным тоном.

– А если откажусь? – тихо спрашиваю, все еще глядя на потускневший шар.

– Откажешься... Что ж, придется избавиться от тебя. Мне не нужны свидетели. Выбирай!

– Хорошо... хорошо... я согласна!

Слова срываются прежде, чем я успеваю их осознать.

Не могу прийти в себя от увиденного. Мой сын, который до этого мгновения даже на ножки не поднимался, просто встал и пошел! Да ради того, чтобы снова это увидеть, я готова на все, что угодно. Даже отправиться в другой мир. Даже выносить и родить наследника для драконьего рода!

– Вот и умница, – улыбается Анабель так, будто заранее знала, что я соглашусь.

А может, и знала.

– Сейчас мы подпишем контракт. Он скреплен магической печатью, так что ни у одной из сторон не будет возможности его нарушить.

– В вашем мире есть магия? – спрашиваю севшим голосом.

– Есть.

Накатывает понимание:

– Ты... заставила моего сына встать с ее помощью?

В голове что-то щелкает. Вспоминаю давно любимое фэнтези:

– Ты целитель?

– Целитель? – Анабель странно смотрит на меня, потом пожимает плечами. – Можно сказать и так.

А мне приходит новая мысль: в прочитанных мною книгах целители были добрыми. Они не стали бы шантажировать мать ее ребенком. Или стали бы?

Анабель подает мне бумаги. Буквы на них незнакомые, похожи на древнекельтские руны, но я почему-то спокойно читаю и понимаю. Они мерцают, будто присыпанные золотистой пылью. Меня не удивляет то, что написано в договоре.

После того, что я увидела в шаре, меня мало что может сейчас удивить.

– Подписывай! – мне в пальцы впихивают перо.

Самое настоящее, гусиное, как в исторических фильмах. Заношу его над бумагой.

– Как я могу быть уверена, что ты не обманешь?

– Не беспокойся. У нас обеих на теле появится магическая печать. Если одна из нас рискнет нарушить договор, то умрет в мучениях.

– И я должна в это верить?

– Можешь не верить, – она пожимает плечами, – дело твое. Но ты сделала выбор, так что подписывай – и покончим

с этим.

Я не тороплюсь. Понимаю, что она права, и все равно оттягиваю неизбежное.

– А с кем будет мой сын, пока меня нет? Кто о нем позаботится?

– Ну, сказала же: я, – Анабель начинает терять терпение. – Он моя гарантия, что ты не натворишь глупостей.

– А когда... Когда меня вернут домой?

– Там все написано. Как только мы убедимся, что ты беременна, – бросает раздраженно. – А чтобы это случилось быстрее, постарайся соблазнить моего муженька и сделать все, чтобы он не заметил подмены. Иначе тогда я не дам за твою жизнь и медяшки. Дарион Лемминкейр скор на расправу.

В договоре вспыхивают нужные строчки.

Надеюсь, она не врет...

Ставлю подпись. Перо выпадает из немеющих пальцев. Перед глазами начинает темнеть. В груди разливается боль.

– Что... – еле шепчу, – что происходит?..

– Магическая анестезия, – смеется она. – Я же обещала немного поработать над твоей внешностью. Потом тебя ждет пространственный переход.

– Какой?!

– Пространственный. Ты же не думаешь, что я притащила тебя для разговора прямо в замок? Ах да, вот еще подарочек от меня. Это духи, чтобы Дарион не заметил подмены. Не

забывай ими пользоваться!!

Мне в руку вкладывают пузырек. Сжимаю пальцы. Комната кружится все быстрее и быстрее. Я проваливаюсь в бездонную пропасть.

А потом наступает крошечная тьма...

Глава 2

Открываю глаза. Темно. Кручу головой. Ничего не вижу, но чувствую, что лежу на чем-то мягком.

Вслушиваюсь в тишину.

Где-то рядом раздаются приглушенные звуки.

Перед глазами начинает светлеть. Я постепенно различаю в полумраке очертания предметов. Вот туалетный столик, вот кресло. Вот слабо поблескивает зеркало. А вот вытянутый прямоугольник окна, закрытый плотной портьерой...

Значит, на улице или ночь, или поздний вечер. Но что я делаю здесь, в темноте? И где это – здесь?

Осторожно провожу руками рядом с собой. Пальцы нащупывают плотную шелковистую ткань. То ли простыня, то ли покрывало.

Значит, все-таки на кровати лежу, не на мешках. Уже хорошо.

Пытаюсь подняться.

Вопреки ожиданиям от головокружения не осталось даже следа. Только в груди продолжает ныть, будто застарелый синяк. Анабель говорила про магическую печать. Может, это она?

Тру больное место, опускаю ноги с кровати и замираю, глядя на непонятную штуку, стоящую на столе прямо передо

мною. Похоже на канделябр, только вместо свечей – голубые кристаллы конической формы.

Поддаваясь безотчетному порыву, касаюсь его. Кристаллы мягко вспыхивают, а я, испугавшись, отдергиваю руку.

Местные лампы?

Дотрагиваюсь еще раз. Свет становится немного ярче. Теперь он озаряет часть комнаты, в которую меня занесло, и я могу оглядеться.

Это женская спальня. Причем такая роскошная, будто я перенеслась в итальянский дворец времен расцвета барокко. На кресле рядом с кроватью висит длинный халат-пеньюар из темно-синего бархата. А я, как выяснилось, сижу в полупрозрачной кружевной сорочке, мало что прикрывающей, и... без белья.

Пока раздумываю, куда подевалась моя одежда, кто-то тихо скребется в дверь. И меня накрывает паника.

Возвращаются воспоминания, а вместе с ними приходит страх.

– Госпожа? – дверь открывается, в комнату проникает полоска света из коридора. – Это я, Рилия. Господин требуют вас к себе.

– Г... господин? – выдавливаю через силу.

Тот самый, о котором говорила Анабель?

– Я помогу вам одеться.

Кажется, это всего лишь служанка.

Я молча киваю. Она входит в комнату, неся в руках еще

один канделябр, только поярче моего.

– Зачем он меня зовет?

– Не знаю, госпожа, Его Светлость мне не докладывают. Давайте лучше, я вас причешу.

Светлость – значит, герцог. Нет, кажется, Анабель назвала мужа лаэрдом... Нужно узнать, какие у них здесь титулы, как обращаться.

Все еще испытывая внутреннюю дрожь, поворачиваюсь к служанке спиной так, чтобы видеть ее в зеркале. Она открывает шкатулку, стоящую на столике, достает щетку с длинной серебряной ручкой и принимается за мои волосы.

Отмечаю, что ее во мне ничего не удивило. Оно и немудрено. Анабель, как и обещала, довела наше сходство до идеала...

В зеркале я и одновременно не я. Моя улучшенная копия: черты лица стали более правильными, более тонкими. Цвет глаз чуть темнее, а волосы, наоборот, светлее. Мой родной светло-русый цвет приобрел глубокий пшеничный оттенок, а скромное каре превратилось в волну до пояса.

Мысли перескакивают на сына, и сердце тоскливо сжимается.

Как он там без меня? Я подписала договор, не имея других гарантий, кроме слова, данного Анабель. Но что-то подсказывает: она не обманет. Будет играть мою роль так же, как я здесь – ее. И пока я делаю то, что ей нужно, мой сын в безопасности.

Странно только, что она не боится разоблачения. Ладно, волосы, но что насчет тела? Мне же придется спать с ее мужем! А уж тело рожавшей женщины от нерожавшей даже дурак отличит!

От этой мысли меня пробирает мороз.

Господи, на что же я согласилась? Переспать с чужим, незнакомым мне мужиком, и, возможно, это придется сделать не раз...

К горлу подкатывает неожиданная тошнота.

– Госпожа, вам плохо?

Госпожа? Ах, да, я же теперь госпожа.

– Нет, – сиплю, пытаюсь взять себя в руки, – со мной все в порядке.

Нужно вести себя так, чтобы никто не догадался о подмене. И самое лучшее – это молчать. Смотреть, наблюдать, запоминать – и молчать. А еще лучше вообще не высовываться из этой комнаты. Но тогда я никогда не вернусь домой и никогда не увижу сына!

– Вот и все, госпожа.

Смотрю в зеркало. Рилия уложила мои волосы венцом вокруг головы и скрепила гребнем. Она набрасывает пеньюар мне на плечи. Я машинально заворачиваюсь в него.

Неужели так и пойду к незнакомому мужчине? В халате?

В желудке появляется холодный комок.

Мысленно одергиваю себя: нет, так не пойдет. Нужно внушить себе, что это просто спектакль. Я играю роль Анабель,

а он, этот таинственный и заранее пугающий меня Дарион Лемминкейр – роль ее супруга. Мы просто снимаемся в фильме... с любовными сценами.

В последний момент вспоминаю о духах и о предупреждении Анабель. Стеклопалочкой наношу за ушами пахучую жидкость. Меня окутывает густой, насыщенный аромат восточных благовоний.

Все, теперь можно идти.

Думать о том, что последует дальше, не хочется. Но я знаю: пути назад нет. Мне придется выполнить все, на что согласилась. Чего бы это ни стоило...

***

Идти, оказывается, недалеко. Дверь в комнату супруга находится прямо в спальне. Рилия с поклоном распахивает ее передо мной, а я краем глаза отмечаю еще пару дверей, искусно спрятанных между гобеленами.

На пороге теряюсь. Меня охватывает желание отступить, убежать. Ноги будто прирастают к земле.

Открытая дверь ведет в полутемную комнату, озаряемую лишь отблесками живого огня. С порога видны край камина, тяжелое кресло, стоящее ко мне спинкой, и бледная, сероватая кисть руки, лежащая на подлокотнике. Длинные тонкие пальцы унижают перстни. Изящность запястья подчеркнута белой манжетой с изумрудной запонкой.

Но вот пальцы приходят в движение, и сильный, глубокий голос произносит:

– Заходи, дорогая супруга. Не заставляй себя ждать.

Вхожу на подгибающихся ногах. Дверь медленно закрывается за мной, и я замираю, не зная, что делать дальше.

Осматриваюсь. Слава богу, это не спальня, а кабинет. Вряд ли в спальне будут стоять стеллажи с книгами и тяжелое антикварное бюро. Да и кровати в поле зрения не нахожу.

Тихонько вздыхаю. Последний факт ощутимо порадовал. Кресло разворачивается ко мне. Сердце замирает на соотную долю секунды, пропускает удар и падает вниз.

Дарион Лемминкейр одет в черное с серебром. Только манжеты, воротник-стойка и слегка ослабленный шейный платок кипенно-белые. На платке брошь с изумрудом, на манжетах – изумрудные запонки.

Сам Дарион бледен, высок, худ и на вид немного нескладен. С удлинёнными чертами лица, суровой складкой между бровей и крепкой челюстью. Прямые черные волосы лежат на плечах. Зеленые глаза смотрят пронзительно, цепко, так, будто в каждом глазу по льдинке.

У меня возникает желание поежиться под этим взглядом.

Я не сразу понимаю, что именно меня в нем пугает. А потом приходит ответ: у Дариона вертикальные зрачки. Узкие, щелевидные, разрезающие насыщенно-зеленую радужку напополам.

Анабель не лгала. Ее муж – не человек. Потому что у людей не бывает ни таких ярких, светящихся глаз, ни вертикальных зрачков.

Пока я, оцепенев, таращусь на Дариона, он разглядывает меня. Потом хмыкает, то ли удовлетворенный осмотром, то ли нет, и лениво замечает:

– Долго будешь стену подпирать? Может, сядешь?

О, Господи... Он ведь прав! Я же сейчас Анабель. Как бы она вела себя рядом с мужем?

– Д-да... да...

Скольжу мимо него к соседнему креслу, пряча смятение. Надеюсь, он ничего не заметил. Сажусь, а у самой руки дрожат. Прячу их в складках пеньюара.

Дарион втягивает носом воздух.

– Ты сменила духи?

Черт!.. И что говорить?

Отвечать не приходится. Он сам это делает вместо меня:

– Раньше ты пахла иначе, не так... привлекательно. Впрочем, это уже неважно.

– Что ты хочешь этим сказать?

Я складываю руки на коленях и выпрямляюсь, представляя, как бы на моем месте поступила Анабель. Но голос все равно предательски дрожит.

– Ты знаешь. Через три месяца Бал Невест. Я хочу успеть на него, и нам лучше начать бракоразводный процесс прямо

сейчас. Детей у нас нет, так что это займет не больше недели.

– Что?

Я сижу оглушенная. И вроде приготовилась уже лечь и пару минут посмотреть в потолок, пока «супруг» будет отдавать долг клану и родине, но никак не ожидала, что услышу такое...

Бракоразводный процесс? Анабель же сказала, что муж хочет ее убить! Хотя... Вряд ли он сказал бы ей это прямо. И что это за Бал Невест?

Дарион продолжает:

– Понимаю твои чувства, поэтому увеличил отступные в три раза. Мы женаты уже пять лет, ты не понесла, значит, наш брак не имеет законной силы. Твоя «искра» оказалась пустой. Прости, но мне нужен наследник, и больше я ждать не могу.

Он говорит, а я ничего не понимаю. О какой искре идет речь? Может, здесь так называют способность зачать? Если бы только Анабель дала больше информации! Теперь мне предстоит тыкаться, как слепому котенку.

Но уже сейчас нужно что-то делать. Заставить его изменить решение. Только как?

– А если я забеременею? – слышу собственный голос.

Кажется, я перебила Дариона. Он смотрит на меня с удивлением.

– Что ты сказала?

– Если я забеременею? Что тогда, ты все равно разведешь-

ся со мной?

Он с минуту молчит, продолжая изучать меня. Потом озвучивает вердикт:

– Это невозможно. Мы уже перепробовали все, включая совместное паломничество по святым местам.

– Можем попробовать еще раз.

– Не уверен, что это что-то изменит.

В голове хихикает глупая мысль: знала бы мама, чем я сейчас занимаюсь! Но мне почему-то не смешно. Я чувствую, как мой шанс ускользает из рук. И в отчаянии шепчу:

– Пожалуйста...

Руки дрожат, и постепенно всю меня охватывает мелкая дрожь.

Господи, что я творю?! Умоляю чужого мужчину переспать со мной и сделать ребенка? Да я не в своем уме!

Беги, Аня, беги отсюда подальше. Из этой комнаты, из этого мира!

Только куда бежать? Я связана по рукам и ногам. У меня нет ни малейшего шанса вернуться домой без помощи Анабель. И даже если вернусь, что меня ждет?

Сын, которому я неспособна помочь? Неоплаченные счета, долги за квартиру, больной отчим и осуждение матери?

Зажимаю волю в кулак, встаю с кресла и делаю шаг...

Всего лишь шаг, но кажется, что я падаю в бездну. Потом еще один и еще. Как во сне преодолеваю два жалких метра, что разделяют меня и мужчину, от которого зависит будущее

моего сына.

От того, что собираюсь сделать, разум бьется в истерику. Приказываю ему замолчать.

Я дала себе слово, что ради сына пойду на все! На все! Но что будут стоять мои слова, если сломаюсь перед первым же испытанием? Если не смогу переступить через свою гордость и отступлю?

Закусываю щеку так, что рот наполняется кровью. Через силу опускаюсь на колени...

Дарион застывает.

Я запрокидываю голову, пытаюсь поймать его взгляд. Но в моих собственных глазах стоят такие слезы, что почти ничего не вижу за их пеленой.

– Пожалуйста! – слышу свой тихий голос. – Пожалуйста, дай мне еще один шанс!

Чувствую себя просто ужасно. Нищенкой, вымаливающей крохи с барского стола. В голове вертятся тысячи мыслей, но все они об одном: что я творю? Все внутри протестует против того, что мне приходится делать.

Дарион молчит. Разглядывает меня, не скрывая удивления. Потом медленно, будто нехотя, кладет руку мне на плечо. Только тогда я замечаю, что пеньюар распахнулся, а его ворот съехал с плеча, обнажая кружево сорочки и верхнюю часть груди.

Первая реакция – закрыться. Но я усилием воли подавляю ее.

Второй рукой Дарион касается моих волос. Запускает в них пальцы. Сжимает так, что я невольно откидываю голову еще дальше. Затем наклоняется и проводит носом по моей шее, шумно вдыхая.

– Определенно у тебя новые духи, Анабель, – бормочет странным сиплым голосом.

Я вся сжимаюсь. Там, где его дыхание коснулось меня, по телу бегут мурашки.

От него пахнет чем-то терпким, мужским. Пугающим. Пахнет силой и властью. Этот запах, как черный бархат, окутывает меня с головой, стоит Дариону коснуться моей щеки.

Его ладонь холодна как лед, а дыхание очень горячее. Такое горячее, что мне хочется отползти. И я отползла бы, если бы не почувствовала, что пальцы в моих волосах сжались сильнее.

– Чш-ш-ш, – голос Дариона опускается до хриплого шепота. – Не спеши. Дай я тебя рассмотрю.

От его тона у меня по спине ползет холодок.

Легонько – всего лишь костяшками пальцев – он гладит мою щеку. Я закрываю глаза. Чувствую, как глаза обжигают слезинки.

Будь что будет.

Мужские пальцы медленно опускаются вниз, обрисовывая линию челюсти, касаются губ и дальше по шее – к груди.

У меня внутри все покрывается изморозью. Оцепенев, чувствую, как Дарион кладет руку на обнаженную кожу де-

кольте. Его ладонь опускается ниже, под ткань пеньюара. Теперь между мной и этой ладонью только кружево сорочки.

До боли закусываю губу.

Не кричать! Не кричать!

Мужская ладонь обхватывает мою грудь. Легонько сжимает.

– Ты всегда была покладистой, Ани, – сквозь грохот крови в ушах слышу, как Дарион бормочет мне в шею, – будь покладистой и сейчас. Еще один раз ничего не изменит. Я устал от пустых надежд.

Ладонь разжимается.

Дарион убирает руки и отстраняется от меня.

Судорожно выдыхаю.

– Иди спать, – говорит он, глядя на меня то ли с жалостью, то ли с презрением. – Не нужно так унижаться передо мной. Ты же все еще льера.

Глава 3

Фурией влетаю в свою спальню.

– Госпожа...

– Не сейчас!

Перед глазами мелькает испуганное лицо Рилии, но я машинально отмахиваюсь от нее. Мне плохо. Так плохо, что в эту минуту я ненавижу весь мир.

Только что мне пришлось пережить самое большое унижение за всю мою жизнь. Я пришла к чужому мужчине, предложила ему себя...

А он отказал.

Даже не знаю, что было бы хуже: возьми он меня прямо там, на столе, или то, что случилось.

В любом случае, мне нужно побыть одной. Успокоиться. Обдумать случившееся. Сделать выводы и решить, как действовать дальше.

Захлопнув за Рилией дверь, я падаю на кровать. Зарываюсь лицом в подушку. И снова что-то ноет в груди.

Перевернувшись на спину, тру больное место, но оно продолжает болеть.

Да что это, черт возьми?!

Запускаю руку под ткань пеньюара, под ткань сорочки... Аккуратно ощупываю кожу. Мне кажется, будто я чувствую

под пальцами тонкие линии.

Что это может быть?

Поднимаюсь, распахиваю пеньюар и спускаю сорочку с плеч. Отражение в зеркале делает то же самое.

Я застываю.

В центре моей груди слабо мерцает какой-то рисунок. Круг, вписанная в него восьмиконечная звезда, непонятные символы...

Так вот какая ты, магическая печать!

По мере того, как я успокаиваюсь и начинаю разглядывать ее с интересом, она тоже бледнеет, сливается с кожей и вообще исчезает. Боль уменьшается, но все еще не дает о себе забыть.

Значит, у Анабель, если она не обманула, точно такая же печать. Нужно узнать о ней побольше. Только как это сделать, не вызывая ни у кого подозрений?

В старших классах я подседа на женское фэнтези. Каюсь, был такой постыдный период в моей жизни, когда драконы и попаданки занимали меня куда больше, чем подготовка к экзаменам. И сейчас вдруг вспомнились давно забытые книги.

Вот уж не думала, что однажды сама стану «попаданкой», и тем более не думала, что придется использовать женское чтиво как инструкцию по выживанию!

Меня пробирает легкий смешок. Я начинаю тихонько хихикать.

Постепенно смех становится громче. Я зажимаю руками

рот. Почти без сил опускаюсь на пол и продолжаю давиться смехом.

Это истерика. Это пройдет. Главное, чтобы никто ничего не услышал.

***

А ночью мне снится сын.

Яркое ультрамариновое небо, лазурные воды, что набегают на золотистый песок, пальмы вдоль кромки пляжа и белые запятые парусов на горизонте. Я чувствую тепло солнечных лучей, легкий бриз и даже горьковато-соленый запах моря. И слышу радостный смех ребенка.

Оглядываюсь вокруг. Мой сон будто сошел с рекламных буклетов турагентства. Но все его великолепие меркнет, когда вижу сына.

Артем стоит по щиколотку в воде – с голой попкой, в панамке – и залиvisto хохочет.

– Темка! – ахаю я, не веря своим глазам.

А он, всплеснув руками, бежит ко мне по воде. За ним вздымаются тучи брызг и сверкают на солнце.

Я уже собираюсь встать и поймать его, как вдруг понимаю, что все это время меня обнимала мужская рука! Во сне я не вижу лица мужчины, но мой взгляд цепляется за белую рубашку, закатанные рукава, крепкие руки...

Павел? Это он?

Я хочу увидеть его глаза – и не могу. Сон не хочет мне подчиняться. Но от мужчины исходит волна тепла и надежды.

Я смиряюсь и просто шепчу:

– Как хорошо, что ты тоже здесь!

Склоняю голову ему на плечо, и объятие становится крепче.

Потом мы вместе строим замок из песка. Темка смеется, бегаёт вдоль воды с игрушечным ведерком, топчет ножками, оставляет следы на влажном песке.

Я не могу насытиться его видом.

Меня обнимают надежные руки, прижимают к твердому телу. В шепоте ветра и шорохе волн я слышу уверенный голос:

– Ничего не бойся, теперь я с тобой.

Я тянусь навстречу этому голосу, навстречу этим рукам, и вдруг... картинка меняется. Небо, солнце и пляж отдаляются, покрываются серым налетом, и сквозь них проступают совсем другие очертания.

Меня кто-то трясет.

– Да очнись ты уже! – слышу над головой раздраженное шипение.

Открываю глаза. И обнаруживаю себя сидящей в знакомой комнате, за знакомым столом.

– Ты?! – вскрикиваю, увидев свою мучительницу.

– Я! – зло ухмыляется Анабель. – А ты рассчитывала на кого-то еще?

– Что я здесь делаю? – игнорирую ее тон.

– Нет, это ты мне скажи. Какого гхарра ты творишь? Дарион был почти готов согласиться, почему ты позволила ему отпустить тебя?!

Смотрю на нее в немом изумлении.

– То есть... по-твоему, я должна была в первый же день прыгнуть в койку к твоему мужу?

– Это все, что от тебя требовалось! Провести с ним ночь! Молча! Не раскрывая рта! Просто лечь, раздвинуть ноги и немного постонать, чтобы ему приятнее было.

– И все? – недоверчиво хмурюсь.

Странные, конечно, у Анабель понятия о супружеском долге.

– Ну, не совсем, – уныло признается она. – Может, и несколько ночей, пока не зачнешь.

– Он же твой муж! Тебе самой не противно об этом думать?

Она на миг меняется в лице, но тут же берет себя в руки:

– Он же не знает, что это не я! Так что за измену не считается. И вообще, речь сейчас не об этом.

– А о чем?

Анабель швыряет на стол какой-то листок:

– Через несколько дней он уедет в приграничную кре-

пость. И если ты не соблазнишь его до отъезда, то, скорее всего, уже не успеешь до Бала Невест! Он просто оставит тебя в Лемминкейре!

– И?

– Планы меняются. Я думала, что ты все сделаешь быстро, но теперь тебе придется задержаться в замке подольше. Не забывай, магический договор невозможно расторгнуть. Ты должна сделать то, на что подписалась.

Беру листок, разглядываю закорючки и понимаю, что страх куда-то исчез. Раздражение тоже. Я абсолютно спокойна и сосредоточена. У меня появилась цель. А в голове все еще шепчет эхо: ничего не бойся, теперь я с тобой.

Ты прав, кем бы ты ни был. Я не боюсь.

– Давай еще раз, сначала, – произношу, откладывая записку, и поднимаю на Анабель внимательный взгляд. – Что такое Ламаррия? Что такое Бал Невест? И что такое этот твой Лемминкейр?

– Какая разница?! – она раздраженно сжимает руки.

– Большая, – отвечаю спокойно. – Одно дело, как ты сказала, просто лечь и раздвинуть ноги, а другое – играть твою роль днем, перед слугами и самим Дарионом. Ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь догадался о подмене?

С минуту она молчит, рассматривая меня. Потом вздыхает, садится в соседнее кресло и говорит:

– Лемминкейр это родовой замок Дариона, цитадель Изумрудного клана. Ламаррия это гхаррова Драконья империя.

Здесь всем заправляют дарги – полулюди-полудраконы. Но этим чешуйчатым не повезло, у них давно нет своих женщин. Говорят, боги разгневались на них за что-то и... впрочем, это неважно. Дарги ищут жен среди нас, человеческих женщин. Но у них есть особые требования: претендентка на роль невесты должна быть невинна и обладать особой «искрой». Если дарг чувствует в ней эту «искру», значит, невеста обязательно зачнет от него.

– А твоя «искра» оказалась пустой, – киваю, вспомнив слова Дариона.

Моя собеседница морщится:

– Такое тоже, к сожалению, изредка, но случается.

– А у меня, получается, она есть?

– Ты умнеешь прямо на глазах.

Теперь мощусь я. От сарказма, что звучит в ее голосе.

– Но я не девственница, – замечаю резонно.

– Это уже неважно. Ты же не невеста, а жена с пятилетним стажем.

Что ж, тут мне нечего возразить.

– А Бал Невест?

– Особое празднество. Сейчас император устраивает его раз в пять лет, раньше было раз в двадцать. Лучшие девушки человеческих королевств съезжаются в Кортарен – столицу Ламаррии, а дарги выбирают из них будущих жен. Но последние годы девственниц с «искрой» становится все меньше, сейчас на сотню девушек может найтись одна подходя-

щая.

– Тебя тоже так выбрали? – разглядываю ее с интересом.

Так странно: смотрю на нее, а будто вижу свое отражение. Да, я привыкла к другой одежде, иначе укладываю волосы, иначе наношу макияж...

Но если бы я жила, к примеру, в девятнадцатом веке, то выглядела бы так же, как Анабель.

– Нет. У меня договорной брак. Земли моей семьи граничат с землями Изумрудного клана. После смерти отца у нас осталось много долгов. Вот брат и решил поправить дела...

– Выдав тебя за дракона?

– За дарга.

– Разве это не одно и то же?

– Нет, в Ламаррии кроме даргов есть еще анкры и инкарды. Вот это точно драконы, только абсолютно безмозглые. Просто животные. Мерзкие ящерицы-переростки.

Меня коробят презрение и брезгливость, что прорываются в ее тоне, но я благоразумно молчу. Тоже недолюбливаю всякого рода рептилий.

– Ладно. Значит, если ты не родишь наследника, Дарион отправит тебя назад к брату?

– Да.

– Но ведь он обещает тебе хорошие отступные. Почему ты решила пойти на обман с ребенком вместо того, чтобы забрать деньги и жить припеваючи? И почему обманула, что он хочет тебя убить?

Я ловлю взгляд Анабель. Она смотрит на меня с изумлением.

– Ты правда не понимаешь?

– Нет. И только не говори, что ты любишь мужа.

Ее лицо на секунду меняется. Она с силой сжимает руки и цедит сквозь зубы:

– Не буду. Дело в другом. Если он откажется от меня, я стану посмешищем. Пять лет прожить с даргом – и не зачать. Скажи, кому я буду нужна? Ни один мужчина не захочет взять меня в жены, мне останется только уйти в монастырь подальше от позора. Так что в моем случае лучше быть убитой, чем возвращенной в родительский дом!

Мне хочется верить ей. И я почти верю. Но где-то на дне души остается сомнение.

– Значит, только ради этого ты решила пойти на подлог?

– Вот только не надо давить мне на совесть, – фыркает Анабель. – Наша сделка взаимовыгодна. Разве нет?

– И ты не принуждала меня силой? Не похитила? Не угрожала?

– Перестань. Ты же хочешь, чтобы твой сын был здоров!

После некоторого молчания признаю:

– Хочу. Но я не доверяю тебе. И хочу увидеться с сыном.

– Увидишься, – кивает она, – как только переспшишь с моим мужем.

Звучит отвратительно, но я понимаю: спорить бесполезно. Только время потрачу зря.

– Хорошо. А если моя «искра» тоже окажется пустой? Если я не забеременею?

– А ты постарайся забеременеть! Мне нужен этот ребенок, а тебе здоровье твоего сына. Я слишком многим пожертвовала, чтобы найти тебя. И слишком многое на кону. Так что лучше стараться!

Интуиция подсказывает: Анабель не все говорит. Она точно что-то скрывает. Я замечаю, что она нервничает, и чем дольше мы общаемся, тем труднее ей это скрывать.

– Ну, все, на сегодня информации хватит, – говорит она, резко вставая. – Тебе пора в Лемминкейр!

Перед глазами резко темнеет. Но я успеваю заметить, как Анабель поворачивает кольцо. Тот самый тяжелый перстень с большим агатом, ограненным в черное серебро...

***

Утро начинается с непонятных шорохов рядом с кроватью.

Приподнявшись на локте, я с минуту пытаюсь сообразить, где нахожусь. Пока, наконец, взгляд не натывается на Рилию.

Та, ловко орудуя металлическим совком, выгребает пепел из камина в закопченное ведро.

Значит, это не сон... А жаль. Я уж решила, что сумасшедшая Анабель, магический договор, мужчина с вертикальными зрачками и все остальное было кошмаром.

– Ой, госпожа, – заметив мой взгляд, служанка сгибается в поклоне и задом отползает к двери, – сейчас я завтрак вам принесу.

– Ага, – бормочу, провожая ее глазами, – только руки помыть не забудь.

– Что... простите?

– Руки, – повторяю громче и киваю на ее черные от сажи конечности.

– Слушаюсь, госпожа.

– Подожди! – останавливаю в последний момент. – Где мой... муж?

Так странно называть мужем незнакомого человека. Точнее, даже не человека. Надеюсь, Рилия не заметит заминки.

– Так Его Светлость уже ушел.

– Значит, завтракать я буду одна...

Что ж, это даст возможность немного обвыкнуться и осмотреть замок. Как Анабель его назвала? Лемминкейр. Родовое гнездо Изумрудного клана.

Я точно схожу с ума...

Встаю, закутываюсь в новый пеньюар, видимо, приготовленный Рилией, обуваю мягкие меховые тапочки и иду изучать местный санузел. На этот раз халатик на мне из темно-лилового бархата, расшитый серебром по подолу и на длинных летящих рукавах.

Меня встречает просторная комната-купальня. Пол, стены и потолок выложены белым мрамором с розовыми про-

жилками. Потолок подпирают пилястры с резными капителями, между ними зеркала и стеклянные полки, забитые баночками и флакончиками. А в центре стоит круглая бронзовая ванна размером с мини-бассейн. На первый взгляд там метра три в поперечнике, не меньше. В такой ванне не то что мыться, там плавать можно.

Меня привлекают тяжелые ножки, отлитые в виде драконьих лап. Поднимаю взгляд выше – натываюсь на бронзовую голову дракона. Изящно изогнув длинную шею и открыв пасть, он смотрит прямо в ванну.

Это кран? А где вентили?

После некоторых манипуляций понимаю, как пользоваться этой штукой. Достаточно погладить морду дракончика, чтобы в ванну хлынул поток воды. Коснешься левого крыла – вода начнет остывать. Правого – подогреваться. Хлопнешь по носу – поток прекратится.

Удобно.

Пока набирается полная ванна, я обследую зеркальные полки. Что может храниться в ванной у женщины? Это понятно: мыло, гели, шампуни. Разная косметика.

Экспериментирую. Выбираю несколько разноцветных пахучих жидкостей. Для тела, для лица, для волос. Почему бы и нет? Мне сегодня соблазнять чужого мужчину...

Отбрасываю неприятные мысли. Погружаюсь в ароматную пену и невольно вспоминаю о сыне.

Как он там без меня?.. Чертова Анабель!

На глаза набегают слезы. Запрокидываю голову вверх, чтобы не дать им пролиться. Хватит сырость уже разводить.

Вспоминается сон. Я согласна отдать половину жизни, лишь бы то, что приснилось, стало реальностью.

***

Завтракаю одна в будуаре. Рилия невольно подтверждает мои догадки: здесь так принято, супруги завтракают отдельно. Но здесь – это где? Во всей Ламаррии или только в семье Анабель и Дариона?

Вспомнив его имя, передергиваю плечами.

– Рилия, я хочу пройтись.

– Госпожа, приготовить вам платье для прогулок?

– Пожалуйста.

Она странно косится на меня.

Пока Рилия шуршит в гардеробной, я подхожу к окну. Оно расположено на высоте третьего этажа, а внизу, укрывая двор, стелется густой белесый туман.

– Сегодня пасмурно, – говорю сама себе и утыкаюсь пыляющим лбом в прохладное стекло.

– Да, госпожа, – доносится голос Рилии, – на севере собираются тучи. Весь Лемминкейр ждет грозу.

Так и тянет спросить «зачем?», но боюсь выдать себя. А вдруг Анабель должна это знать?

Вместо этого осторожно замечаю:

– Лемминкейр, может, и ждет, а нам с тобой что от этого?

– Ну как же, госпожа! Земля истосковалась по хорошему дождю. Хороший дождь – хорошие всходы, а значит и урожай, разве не так?

В ее рассуждениях присутствует логика.

Я слышу ее шаги за спиной. Говорю:

– Ты права, – и оборачиваюсь.

– Вот, – она раскладывает на софе предметы одежды и любовно поглаживает пепельно-голубую ткань. – Как раз для туманного утра. Вы будете изумительно хороши!

Пожимаю плечами.

На софе лежит муслиновое платье с оборками, короткий бархатный редингот, нижняя юбка, нижняя рубашка, корсет, чулки с подвязками и... панталоны. Милые такие, с кружавчиками, на завязках.

Я такие вещи видела только в музее моды и никогда не думала, что буду носить сама. Платье с воротником-стойкой, рюшами на груди и сотней крошечных пуговиц вдоль спины. Девятнадцатый век. Редингот тоже оттуда.

Касаюсь одежды, провожу пальцами по муслину и бархату. И меня охватывает странный кураж. Я словно охотничий пес, почуявший запах зайца...

Глава 4

Рилия поначалу решает увязаться за мной. Но я говорю, что хочу прогуляться одна.

– Ну и барышни нынче пошли! – ворчит она точно старая бабка. Хотя на вид ей лет тридцать всего. – Совсем срам потеряли! Где это видано, чтобы мужняя лъера гуляла одна?

Незнакомое слово царапает. Вспоминаю, при каких обстоятельствах услышала его первый раз, и сильнее сжимаю трость зонтика.

Этот зонтик такой неудобный! Его в дамскую сумку не сунешь – не влезет. На запястье не повесишь – очень большой, громоздкий. Похож на китайский, только сделан не из бамбука и бумаги, а из стали и тонко выделанной кожи.

Сомневаюсь, что он спасет меня от дождя. Ну а солнце...

Так пасмурно же!

Но Рилия не слышит моих доводов. У нее только один ответ:

– Негоже приличной барышне шастать без перчаток и без зонтика! Не берете меня с собой, так возьмите его.

Понимаю, что спорить бессмысленно. Ладно, где-нибудь приткну это чудовище, заберу на обратном пути.

На первый этаж ведет широкая лестница из черного мрамора. Резные балясины перил выточены не то из нефрита, не

то из малахита – я не слишком разбираюсь в камнях. Мысленно проклиная длинный подол, сбегая по лестнице. Стук каблучков тонет в ковре, льющемся по ступенькам непрерывной пурпурной рекой.

Вот и холл. Застываю на миг, позабыв обо всем, восхищенно таращусь на резные панели. Пока меня не приводят в чувство незнакомые голоса.

Мимо проходят две женщины в таких же платьях, как у Рилии, в кипенно-белых чепчиках с острыми концами и фартуках. Учтиво здороваются со мной.

Я понимаю, что это служанки. Сначала с улыбкой киваю им, потом, поймав в их глазах удивление, спохватываюсь: а вдруг Анабель не отвечала на приветствие слуг? Взглядом нахожу высокие двустворчатые двери, что, вероятнее всего, выходят на улицу, и спешно направляюсь к ним.

Надеюсь, мой уход не похож на бегство.

У двери встречает... швейцар? Дворецкий?

Немолодой мужчина во фраке и узких брюках из темной ткани. У него сухое лицо, седые волосы и странный взгляд. Я не сразу понимаю, в чем дело, а когда понимаю, с трудом сдерживаю вскрик: у него вертикальные зрачки! Как у Дариона!

Значит, дворецкий тоже дракон?

Он с поклоном открывает мне двери.

Отлично.

Делаю вид, что поправляю митенки, и выхожу на крыль-

цо. Только когда дверь за мной закрывается, я понимаю, как была напряжена все это время. Сплошной комок нервов.

Оглядываюсь.

Похоже, замок расположен в горах. Справа и слева от него возвышаются темные пики. Небо над головой серое, низкое. Прямо передо мной виднеется то ли сад, то ли парк. Там по аллеям и между ветвей вьется туман. Его клочья мутными тряпицами цепляются за кусты.

Воздух сырой и тяжелый.

Может, стоит вернуться? Того и гляди, пустится ливень. И вряд ли этот доисторический зонтик сможет меня уберечь...

Скептически смотрю на галантерейного монстра в своих руках. Потом бросаю на небо оценивающий взгляд.

Интересно, какое здесь время года?

И следом появляется новая мысль: интересно, как называется этот мир?

Хотя... Какая мне разница? Я здесь не за этим!

Настроение портится.

Спускаюсь с крыльца, не замечая его красоты. Бреду по дорожке в сад. Краем глаза отмечаю под ногами аккуратные прямоугольные плиты с выбитым на них однообразным узором. Туман окружает меня. Пробирается под одежду сырыми, холодными лапами, и я передергиваю плечами, плотнее

запахиваю редингот.

У меня на душе так же уныло и сыро. Думаю, что делать дальше. Если Анабель права, то времени у меня почти нет. Всего пара дней – и Дарион уедет.

Может, во всем признаться ему?

А что толку от моего признания? Вдруг Дарион разозлится и выместит гнев на мне? Что-то я не заметила в его глазах большой привязанности к супруге. Да и она, судя по всему, не пылает к нему любовью.

Что-то не так в этом семействе.

Если интуиция не подводит меня, то Анабель боится и ненавидит мужа, но тщательно это скрывает. А он...

Он испытывает к ней жалость – не больше. Но жалость в глазах мужчины – это последнее, чего может желать молодая и красивая женщина...

А Анабель все же красива. Пусть мы с ней двойники, но у меня и близко нет ее шарма или манер. Даже такой осанки.

В задумчивости я забредаю так далеко, что сама не замечаю, как оказываюсь в каких-то кустах. Юбка запуталась, подол намок. Недолго думая, я оставляю зонтик под первым попавшимся деревом и тут же забываю о нем.

Вздыхнув, отвожу рукой очередную мокрую ветку. С нее срываются тяжелые капли влаги, а я оказываюсь на пустыре, затянутом серым туманом.

Сад неожиданно кончился, и передо мной распростерлось пустое пространство, огромное, как стадион.

Несколько минут я беспомощно осматриваюсь. Кажется, здесь слились воедино земля и небо: серый песок под ногами переходит в серые тучи. А еще здесь холодный, промозглый ветер.

Я уже собираюсь вернуться назад тем же путем, которым пришла, как вдруг замечаю движение.

Впереди, метрах в двадцати от меня, есть что-то живое. Темный силуэт. Двигается плавно, будто танцует, и в то же время его движения исполнены силы и страсти. Ловкий, стремительный, грациозный...

И смертоносный – внезапно приходит на ум, когда я, наконец, понимаю, кто это передо мной.

Сквозь толщу тумана смотрю, как Дарион фехтует. В его руках два узких, чуть искривленных меча. С обнаженным торсом, босой, он месит ногами влажную грязь. Мышцы вздуваются на его предплечьях при каждом ударе в невидимого врага. Черные волосы собраны в хвост. Короткие пряди, влажные то ли от тумана, то ли от пота, прилипли ко лбу.

Великолепное зрелище. Завораживающее. Это танец смерти, танец клинков.

Дарион Лемминкейр напоминает мне змея. Такой же гибкий и быстрый. Каждый его бросок – молниеносный, каждое отступление – продиктовано тактикой.

Я скольжу восхищенным взглядом по его телу. Отмечаю странные полосы, что идут поперек груди. У него очень бледная кожа, сероватая, с пепельным оттенком, но эти полосы

выделяются на ней, как свежий снег на вчерашнем.

Вот он разворачивается на пятке вокруг своей оси, заносит одну руку вверх, другой – удар снизу. Бросок. Уклон. Опять наступление. Удар ногой...

Теперь я вижу противника. Дарион фехтует не сам собой, вокруг него выются тени. То и дело из общей массы вытягиваются щупальца. Скользят по земле, взвиваются в воздух. Пытаются дотянуться до жертвы.

Но Дариона жертвой точно не назовешь!

Очарованная невиданным зрелищем, я обо всем забываю. Азарт боя передается и мне. Я впитываю кожей каждое движение, каждый жест, малейший блеск стали.

Пока Дарион внезапно не разворачивается в мою сторону.

– А ты что здесь делаешь? – бросает он недовольно, отрывисто. – Как ты здесь оказалась?

Его взгляд упирается прямо в меня. Хмурый, сердитый. Тени за его спиной прячутся в серый песок.

– А... Э... – судорожно подбираю слова. – Просто гуляла.

– Гуляла? – он хмурится еще больше.

Черт, да что не так с этим парнем?

– Да, просто гуляла.

– Разве я не предупреждал, чтобы ты не совала свой нос на мою половину парка?

Он медленно надвигается на меня. Я отступаю. Пока не обнаруживаю за спиной шершавый ствол какого-то дерева.

Кажется, больше некуда отступить.

Дарион нависает надо мной угрюмой громадой. Он тяжело дышит, на его груди виднеются капельки пота.

Мое сердце испуганно бьется. Страх сжимает желудок, отдается мелкой дрожью в руках.

– Ты пугаешь меня! – шепчу, отчаянно пытаюсь уклониться от соприкосновения с ним.

– Пугаю? – переспрашивает удивленно. – Разве я хоть раз обидел тебя?

– Н-нет...

– Почему же сейчас пугаю?

«Потому что я не твоя Анабель!» – хочется крикнуть мне.

Но не могу. Я борюсь с желанием зажмуриться и втянуть голову в плечи.

Дарион так близко, что я вижу его глаза. Два изумруда в черной оправе ресниц. Его зрачки внезапно расширяются, крылья носа трепещут.

– Твой запах... – бормочет он, суживая глаза.

И вдруг поднимает руку.

Я шарахаюсь вбок. Успеваю заметить в его глазах искреннее недоумение и только потом понимаю, что он всего лишь снял полотенце, что висело на ветке у меня над головой!

– Что с тобой? – хмурится он.

Набрасывает полотенце на шею.

– Н-ничего...

Господи, Аня! Да возьми себя в руки! Хватит бляеть, как овца!

Мысленно надавала себе пощечин. Вот так, кто я сейчас? Анабель Лемминкейр! Значит, будем вести себя соответственно.

Вскидываю голову, выпрямляю спину. Бросаю на Дариона независимый взгляд.

Хмыкнув, он обводит взглядом пустырь.

– Ты здесь одна?

– Да.

– Без горничной? – в его голосе сквозит легкая издевка.

Но я уже взяла себя в руки.

– Разве я не могу прогуляться без горничной? – отвечаю ему в тон. – Это запрещено?

– На тебя не похоже. Где же твои манеры?

– Какая разница? – быстро выкручиваюсь. – Ты же решил развестись со мной, так что мне терять?

С минуту он задумчиво разглядывает меня, потирая шею полотенцем. Мой взгляд невольно прикипает к его груди. Дарион не перекачан. Скорее, жилист. У него длинное узкое тело змеи, гладкая кожа.

Почти.

Теперь я вижу: там, где грудь перечеркивают шрамы, кожа сморщена и покрыта чешуйками. Они почти не видны, но стоит свету попасть на них, как они начинают отливать

золотисто-зеленым металликом.

Ловлю себя на мысли, что хочу провести рукой по этим чешуйкам. Проверить, не останется ли на пальцах золотистая пыльца.

– Налюбовалась? – насмешливый голос выводит меня из транса.

Пока думаю, что сказать, он добавляет:

– Я дам тебе хорошие отступные, Ани. С такими деньгами ты сможешь уехать туда, где никто не знает о нашем браке, открыть свое дело и жить как все. Я готов даже помогать тебе на первых порах. Почему ты противишься?

А действительно, почему?

Почему Анабель так упорно цепляется за него? Вряд ли дело только в гипотетическом позоре. Нет, здесь что-то еще.

Дарион продолжает смотреть. Он стоит так близко, что я чувствую тепло его тела. Вижу, как подрагивают крылья его носа, будто дарг никак не может насытиться моим запахом. Неужели ему так нравятся духи Анабель? Да, запах приятный, но слишком насыщенный, как у всех восточных духов. Поэтому я нанесла лишь каплю между грудей.

– Ну? – он наклоняется, вторгаясь в мое личное пространство. В его глазах появляются странные искры. – Так что ты решила?

Мне некуда отступить. За спиной только ствол дерева. Я отчаянно подбираю слова и будто во сне слышу собственный шепот:

– Дай нам еще один шанс!

По губам Дариона пробегает скупая усмешка. Он подает мне руку и говорит:

– Идем, я отведу тебя к дому, а то заблудишься. И больше не броди здесь одна. Это может быть очень опасно.

И все? Это все?

С минуту обескураженно хлопаю ресницами. Пальцы Дариона сжимают мою ладонь: осторожно, но крепко, не вырвешься. Мне приходится подчиниться и покорно идти за ним. В мыслях полный сумбур. Что же делать? Как его удержать?!

Мы возвращаемся в сад.

Я внезапно принимаю решение и улыбаюсь, хотя скулы сводит от напряжения.

– Может, пообедаем вместе? – предлагаю будничным тоном.

Дарион бросает на меня удивленный взгляд.

– Ани, мы всегда обедаем вместе.

Упс...

– Ой, поужинаем, хотела сказать, – выкручиваюсь, как могу.

– И ужинаем тоже. Но сегодня я не могу.

– Почему? – чувствую, как сердце начинает быстрее стучать.

– В Южном гнезде приболело несколько анкров. Ньорды боятся, что это шимисс, я должен проверить.

Киваю, делая вид, что все понимаю. Сама же мысленно ставлю пометку: ньорды, шимисс – узнать, что это за звери. Анкров упоминала Анабель, но неплохо было бы тоже узнать о них поподробнее. И моя нанимательница мне не помощник в поисках информации. Как раз от нее я ничего не добьюсь.

– И когда ты отправишься?

Он бросает взгляд на небо.

– Приму ванну и отправлюсь.

– А обед?

– Там поем.

Думаю, как наладить хотя бы видимость отношений.

– Может, я соберу тебе что-то в дорогу?

И снова в зеленых глазах вспышка недоумения. Неужели Анабель вообще не заботилась о муже? Тогда неудивительно, что он хочет с ней развестись.

– Не нужно.

– Почему? Ты же мой муж.

– Для этого есть слуги. Отдыхай, Анабель, я тебя больше не потревожу.

Он подносит мою руку к губам. Небрежно целует. Мы стоим почти у самого крыльца. Даже не заметила, как вышли из сада.

Чувствую чей-то взгляд. Поднимаю глаза и вижу в окне моей комнаты силуэт в сером платье.

Рилия? Она наблюдает за мной?

Все это так странно...

Глава 5

«Не броди здесь одна. Это может быть очень опасно».

Знал бы он, насколько близок к истине...

Прижимаясь лбом к холодному стеклу, наблюдаю за тем, что происходит во дворе.

Гроза так и не разразилась, прошла стороной. Только молнии немного посверкали на западе, да пару раз докатились раскаты грома. Зато утренний туман полностью растаял и обнажил мощеную площадь, на которой собралось несколько мужчин. Все они высокие, гибкие. С волосами чуть ниже плеч, забранными в низкий хвост. Все неуловимо похожи на лаэрда, будто родственники.

Хотя, может, так оно и есть? Если дарги живут кланами, то по логике все члены клана связаны между собой родственными узами.

Я разглядываю их, думая о своем. Пытаюсь увидеть то, что отличает их от людей. Но они кажутся вполне обычными, разве что выше ростом и двигаются с неподвластной людям змеиной пластикой.

Дарги о чем-то переговариваются между собой. Мне не слышно, но я вижу их серьезные лица.

А вот и Дарион. Появляется из-за угла, на ходу натягивая перчатки. Из окна я вижу его лицо: хмурое, озабоченное.

Интересно, о чем он думает?

Будто почувствовав мой интерес, он поднимает голову. Обводит взглядом окна особняка и безошибочно смотрит в мое.

Прячусь за занавеску. Но, наверное, недостаточно быстро. Сердце колотится. Ладони становятся влажными, и я машинально вытираю их о подол.

Осторожно заглядываю в щелочку между занавесью и краем окна.

Дарион все еще стоит там, подняв голову, смотрит прямо в окно. На его лице застыло странное выражение. Он удивлен и раздосадован одновременно.

Вот к нему подбегает какой-то мальчишка. Наверное, слуга. Лаэрд отрывает взгляд от окна, оборачивается к пареньку и что-то отрывисто говорит. Я вижу, как двигаются его губы.

Паренек убегает. Дарион, не глядя в мою сторону, быстро уходит. Следом за ним уходят и остальные дарги.

Площадь пустеет. Я рассеянно опускаюсь в ближайшее кресло.

В голове заполошно бьется единственная мысль: что мне делать? Как выполнить обязательства, если я не могу даже подступить к этому мужчине? Он не отталкивает меня, просто держит на расстоянии и каждый раз подчеркивает его. Может, чувствует что-то?

Нет, Анабель не стала бы так рисковать!

Нужно что-то придумать. Соблазнить его... И сделать это

сегодня, иначе второго шанса может не быть.

Мои щеки заливает горячий румянец. Прижимаю к ним ладони и чувствую, как от стыда пылает лицо.

Боже... о чем я думаю?!

Я собираюсь прыгнуть в постель к чужому мужчине!

После смерти мужа у меня даже мысли не возникало завести отношения. Хотя мать не раз говорила, что мне пора вернуться к нормальной жизни. Но я не могла. Что-то постоянно удерживало на расстоянии от противоположного пола. Может, еще неостывшая скорбь, а может, тот факт, что кроме Пашки у меня никого не было... Все мысли и все мое время занимал Темка. Мне просто некогда было думать о личной жизни.

И вот теперь я совершенно серьезно обдумываю, как забраться в постель к мужчине с чешуей и змеиными зрачками. К чужому мужчине, который меня не хочет.

С улицы доносится странный шум. Будто на ветру хлопают огромные полотнища.

Вскакиваю, подбегаю к окну и застываю, охваченная смесью ужаса и восхищения.

Над крышами зданий в небе кружат драконы! Почти такие, как в книжках. Сильные, гордые и красивые звери, с переливающейся на солнце чешуей. У одних она цвета первой зелени, у других – цвета морской волны. У третьих – с бирюзовым оттенком. На спине более насыщенный цвет, на груди и брюхе – светлее.

Каждый дракон размером с вертолет, не меньше. Они палят, расправив кожистые крылья и поджав под себя четыре когтистые лапы.

Первый восторг утихает, и я замечаю фигуры всадников на спинах драконов. Внутренне чутье подсказывает, что впереди, на темно-изумрудном ящере, восседает Дарион. Мое сердце начинает биться быстрее.

Всадник и его дракон составляют единое целое. Невероятное потрясающее сочетание силы, мощи и грации, от которого у меня захватывает дух.

Я даже не замечаю, как впиваюсь пальцами в подоконник. Все мое внимание приковано к тому, что сейчас происходит в небе. Я тянусь, вставая на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть невиданную картину.

И в этот момент дракон Дариона делает резкий маневр. Разворачивается, ложась на крыло, и пикирует вниз. Прямо ко мне.

Один миг, один вдох, один удар сердца – и огромная крылатая туша проносится мимо окна. Так близко, что почти задевает стекло крылом.

У меня слабнут ноги, от страха темнеет в глазах. Но вместо того, чтобы упасть, я сильнее цепляюсь за подоконник.

По телу проходит холодная дрожь, но я остаюсь стоять. Дракон выходит из пике и набирает высоту. Я смотрю ему вслед. Вижу, как Дарион оборачивается, чувствую его

взгляд. Сглатываю колючий комок, провожу кончиком языка по пересохшим губам.

Дарг резко отворачивается, его дракон поднимается еще выше, нагоняя остальных. Еще минута – и все они превращаются в темные точки на фоне неба.

А меня всю трясет...

Анабель не лгала. Драконы – не сказки, они существуют!

***

Я решаю, что мне нужна информация, и сейчас, пока Дарион отсутствует, самое время ее получить. «Кто предупрежден, тот вооружен» – вспоминаю хорошую поговорку и иду искать Рилию.

Спускаюсь на первый этаж, сдержанно киваю дворецкому.

Горничная обнаруживается в прачечной, куда меня проводил подвернувшийся под руку мальчишка, как две капли воды похожий на того, что я видела во дворе. Хотя, может, это он и был? Да какая мне разница!

– Госпожа? – удивленно хмурится Рилия, бросая на него раздосадованный взгляд. – Вы что-то хотели?

Меня царапает ее тон, но я делаю вид, что ничего не заметила. Потом разберусь, тем более, мы здесь не одни.

В прачечной влажно и душно. Горячий пар поднимается от огромных чанов, над которыми висит одежда. Две служанки, только что начищавшие щетками хозяйский камзол, уже

забыли о нем и, раскрыв рты, уставились на меня. Видимо, сюда не часто заглядывала хозяйка.

– Г-госпожа... – опомнившись, они синхронно делают книксен.

– Продолжайте, – снисходительно машу им рукой. И переключаюсь на Рилию: – Да. Я хочу прогуляться в библиотеку. Ты пойдешь со мной.

А сама мысленно сжимаю кулачки и молю лишь об одном: пусть в этом доме будет библиотека! И пусть вход в нее будет открыт для меня!

На лице Рилии появляется странное выражение. Кажется, она хочет что-то сказать, но в последний момент просто кивает:

– Как скажете, госпожа.

Только есть одна проблема: я не знаю, куда идти!

Ловко выкручиваюсь из ситуации:

– Иди вперед, мне надо подумать.

Уж Рилия-то наверняка знает дорогу.

Мой расчет оправдался: через двадцать минут нашего петляния по коридорам и лестницам впереди появляются высокие двустворчатые двери, на которых золотится сложный узор. Едва увидев их, догадываюсь, что это вход в библиотеку и, прибавив шаг, с самым независимым видом обгоняю служанку.

Странно, но ручек здесь нет...

Скрывая недоумение, прикладываю руку к дверям.

Створка легко отворяется. Переступаю порог и чувствую, как прохожу сквозь невидимую преграду. Словно лопнул мыльный пузырь – и мне в лицо на секунду брызнуло легкой прохладой.

Это заставляет меня замешкаться на пороге.

– Госпожа, – раздается за спиной голос Рилии, – я подожду вас здесь.

Киваю, не глядя. Потому что мой взгляд уже прикован к огромным стеллажам, уходящим куда-то под потолок. Точнее, потолка я даже не вижу. Он так высоко, что верхние полки теряются в темноте.

Здесь десятки, нет, сотни стеллажей из крепкого мореного дуба. И все они забиты книгами всех цветов и размеров. Мне видны лишь корешки – бесконечные ряды кожаных корешков, от количества которых мое тело пронизывает дрожь предвкушения.

Мысленно потирая руки, делаю шаг.

И тут же навстречу мне из-за соседнего стеллажа появляется тень.

Застываю в оцепенении, не в силах ни вдохнуть, ни пошевелиться.

Зато тень, по всей видимости, таких неудобств не испытывает. Взметнув подол то ли мантии, то ли сутаны, отвешивает мне грациозный поклон:

– Ваша Светлость! Для меня огромная честь приветствовать вас в этой скромной юдоли!

Чертова Анабель! Она не сказала, что здесь водятся призраки!

Пытаюсь взять себя в руки, изобразить улыбку, но онемевшие губы отказываются подчиняться. Во все глаза таращусь на это чудо.

Призрак полупрозрачный, неопределенной формы, но с явными очертаниями человеческого тела. По крайней мере, у него есть голова и две верхние конечности, похожие на широкие рукава. Книзу фигура расплывается, что наводит на уже озвученную мысль о мантии и сутане.

А еще он светится. По его контуру пробегают едва заметные зеленоватые искры.

– Позвольте представиться, – продолжает эта ошибка природы, – бессменный летописец и архивариус Изумрудного клана, хранитель Лемминкейра, известный когда-то в миру под именем Ниффелиус Таарон. Чем могу вам служить, светлейшая льера?

В полной прострации пялюсь на призрака и замечаю позади него приличного вида письменный стол с тяжелой столешницей. Там же стоит большое кожаное кресло. Но не оно привлекает мой взгляд, а бутылка из темного стекла, наполовину оплетенная лозой. И перевернутый бокал на серебряном подносе.

– Кажется, мне нужно сесть, – слышу собственный голос. – А еще лучше – выпить.

– О, как пожелаете, светлейшая льера!

Призрак плывет к столу. Так и хочется добавить: величественно. Без лишней суеты делает плавный жест тем, что я посчитала правой рукой, и на моих глазах пробка с легким хлопком выпрыгивает из бутылки. А дальше начинается натуральное волшебство: бокал переворачивается и грациозно встает на ножку, бутылка взмывает вверх, наклоняется горлышком вниз, и из него в бокал хлещет густая красная жидкость с терпким, пряным ароматом можжевельных ягод.

– Прошу! – бокал по воздуху плывет ко мне.

Нет, мне точно нужно сесть, пока я не упала...

Непослушной рукой беру бокал. На ватных ногах добредаю до кресла и падаю в его прохладные кожаные недра. Не думая о последствиях, глотаю вино...

То, что это вино – даже не сомневаюсь. Вряд ли Дарион будет держать на столе лимонад. Хотя... Напиток немного горчит и щиплет язык, как шампанское.

Призрак бесшумно останавливается рядом со мной. От такого соседства у меня кожа покрывается мурашками, а волосы на затылке поднимаются дыбом.

– Но вы же здесь не за этим? – напоминает прозрачный архивариус. – Вряд ли светлейшая льера явилась сюда, чтобы вкусить красного мельха.

А, так вот что я пью...

Легкий хмель бьет мне в голову. Я ощущаю, как по телу проходит волна, заставляя мышцы расслабиться, и медленно выдыхаю. Напряжение уходит, вместо него возникает кураж.

Призрак принял меня за хозяйку. Так чего мне бояться?

Улыбаясь, киваю ему:

– Вы правы...

Не знаю, как правильно к нему обращаться, но он, заметив заминку, любезно подсказывает:

– Ниффелиус, светлейшая льера, просто Ниффелиус.

Оставим эти нелепые церемонии для живых.

Последний глоток мельха встает поперек горла. С трудом проглатываю его, чтобы пролепетать:

– Э-э... а вы, стесняюсь спросить, не живы?

Призрак всплескивает руками.

– Конечно же, нет! Разве светлейшая льера не видит, что я дух?

– Светлейшая льера видит... – растерянно бормочу. – Но раньше мне не приходилось встречаться с призраками, так что я в замешательстве.

– Да простит меня светлейшая льера, – в голосе Ниффелиуса появляются надменные нотки, – но я не какой-то там третьесортный призрак. Я дух-хранитель высшего ранга и мне уже две тысячи лет! Я помню, как дарги пришли в этот мир, и как из огня и крови создавалась Ламаррия. На моих глазах творилась История! Менялись очертания материков, исчезали одни государства и появлялись другие. Я видел взлеты и падения Изумрудного клана, видел смерть лучших бойцов и восхождение к власти сущих ничтожеств, и все эти знания тщательно сохранял для потомков. Чтобы иметь честь раз-

делить их с наследниками Лемминкейра.

– Только наследников нет, – я подвожу итог и стягиваю бутылку со стола.

Думаю, Дарион не сильно обидится, если я еще чуть-чуть выпью. Мне срочно надо расслабиться, а то мои нервы не выдержат.

– О, они обязательно будут! – заявляет призрак, то есть дух, с таким убеждением, что я невольно бросаю в его сторону подозрительный взгляд. – Вы молоды, у вас все еще впереди.

Угу. Знал бы он, с кем говорит.

Эта мысль заставляет меня встрепенуться.

Время идет! Дарион может вернуться в любую минуту, а я так ничего и не выясню!

– Ладно, – решительно отставляю бутылку и поднимаюсь, – вы правы, Ниффелиус. Я здесь не просто так. Хочу изучить историю клана и побольше узнать о даргах.

– Похвальное рвение, светлейшая льера. Не зря я ждал столько лет. Знал, однажды наступит день, когда вы придете сюда, чтобы утолить любопытство.

Я благоразумно пропускаю эти слова мимо ушей. И говорю:

– С каких книг посоветуете начать?

Глава 6

Оказывается, я умею читать на языке даргов! Ниффелиус умиляется, едва не роняя слезу. Говорит, мало кто из драконьих невест обладает этим весьма похвальным умением. Книги подтверждают его слова.

Несколько часов провожу за дубовым столом, изучая историю Алланайриса – мира, куда меня занесло, а заодно и историю даргов. Вскоре картина более или менее проясняется, и я начинаю понимать, что из сказанного Анабель было правдой.

У даргов нет своих женщин, это правда. Причины этого неясны, но в книгах есть прозрачные намеки на некое «проклятье» и на то, что дарги вообще не из этого мира. Две тысячи лет назад они пришли, чтобы подчинить его себе и сделать своим.

Дарги принесли с собой смерть и разрушение. А еще инкардов – двуногих верховых ящеров с маленькими передними лапами, напомнивших мне аллозавров, и анкров – их крылатых собратьев.

Эта армия, будто чума, прокатилась по человеческим землям, выжгла половину городов, превратила леса и поля в пепелище. Потом много веков шла война: дарги похищали женщин, разоряли селения, убивали мужчин. Но менялись

времена, менялись поколения, и очередной драконий правитель положил этому конец. Он решил идти путем мира, а не войны, и основал государство.

Теперь Ламаррия – драконья империя – ограждена морем, пустыней, скалами и вечным туманом, что простирается над ними, от других государств. Если драконы не захотят – никто не сможет пересечь их границы. Но и сами дарги не могут покинуть империю без разрешения своего повелителя.

А женщин теперь не воруют. Те сами предлагают себя. Для человеческих аристократок брак с даргом это способ подняться в глазах бомонда. Для девушек из простых семей – шанс на лучшую жизнь.

Каждые пять лет в Кортарене, столице Ламаррии, устраивается «Бал Невест», тот самый, на который так спешит попасть Дарион. Съезжаются туда только лучшие девушки человеческих королевств, правда, по каким критериям их отбирают, я так и не поняла. Но ни красота, ни титул, ни богатство не интересуют драконов. Все, что им нужно в избраннице – это «искра».

Я оказалась права. «Искра» – это способность зачать от дарга и родить ребенка с драконьей ипостасью. К моему облегчению, дети от даргов рождаются обычные, но в возрасте тринадцати лет происходит первый оборот – внутренний дракон расправляет крылья и обретает свободу. А до этого срока он растет вместе с хозяином. И да, от даргов никогда не рождаются девочки...

Вот почему Анабель уверена, что я зачну сына от ее мужа.

Но с чего она решила, что у меня есть эта «искра»? И почему именно я? Сомневаюсь, что наше сходство – случайное совпадение. Слишком уж нервничает Анабель и слишком темнит...

Далекий колокольный звон заставляет оторваться от мыслей и поднять голову. Недоуменно смотрю в окно, но с моего места видно только серое небо.

В двери кто-то скребется.

– Госпожа, – доносится голос Рилии, – вы пропустили обед. Может, вам сюда принести?

Встрепенувшись, оглядываюсь вокруг.

– А который час?

– Шесть, светлейшая льера, – подсказывает призрак.

Киваю служанке:

– Узнай насчет ужина. Пусть подают в комнату, а я тут скоро закончу.

Но есть не хочется. Стоит только позволить себе забыться – и вновь накатывает тоска. Я вспоминаю о сыне. Точнее, я и не забывала о нем, просто стараюсь держать мысли и чувства под контролем, иначе сойду с ума.

Как он там без меня? А вдруг Анабель его обижает?

Да нет, не посмеет. Если с Тёмкой что-то случится – ничто мне не запретит рассказать Дариону о планах его жены. Даже магическая печать! И она это знает.

Вздыхнув, закрываю книгу и возвращаю на полку.

Что ж, Анабель – знакомое зло. К тому же мы с ней заключили контракт. А Дарион... Дарион даже не человек. И если верить тому, что я сегодня узнала, то у даргов своя мораль, далекая от человеческой.

***

В комнате ждет сюрприз. Ужин еще не принесли, но кто-то здесь явно был, потому что на туалетном столике лежит массивный серебряный перстень с черным агатом.

Кажется, точно такой же у Анабель... А может, это он и есть?

Под перстнем замечаю бумажку. Осторожно вытаскиваю ее и читаю:

«Надень перстень на палец. Буду нужна, просто поверни его перед зеркалом».

В первый момент я таращусь на эти строчки в недоумении. Она что, совсем страх потеряла? Развела такую секретность, а тут пишет записки и бросает на видном месте!

Потом понимаю: записка написана на русском языке! Никто, кроме меня, ее не прочтет.

На всякий случай кидаю записку в камин, где она вспыхивает золотистым пламенем. И, разумеется, тут же решаю проверить перстень в действии.

Надеваю его на средний палец левой руки. Он тяжелый, чувствуется на пальце. Агат загадочно мерцает черными гра-

нями, в его маслянистой глади отражается свет канделябров.

Почти не дыша, подхожу к зеркалу. Чувствую, как по спине ползет холодок. Смотрю на свое отражение, сглатываю горький ком и поворачиваю перстень камнем внутрь...

В первую секунду ничего не происходит. Потом мое отражение начинает дрожать, будто по зеркальной глади прокатывается волна за волной.

Картинка меняется. Теперь вместо себя и комнаты за спиной я вижу знакомые стены и мебель. Это моя квартира! Причем, я вижу ее так, как если бы смотрела из большого зеркала в прихожей!

Забывшись, протягиваю руку и касаюсь стекла. Пальцы проваливаются в пустоту, будто в кисель. Вижу их с той стороны. Они преломляются, будто я погрузила их в воду.

Рефлекторно отдергиваю руку. Прижимаю к груди. Пальцы дрожат, сердце колотится. Дыхания не хватает...

Неужели я могу шагнуть в это нечто и выйти с той стороны?!

– Анабель! – шепчу так громко, как только могу. – Анабель!

Она выходит из дверей спальни в моем халате. Зевает. Простоволосая, без косметики, без привычного шарма.

Я теряю дар речи. Потому что она – мое отражение. Именно такую себя каждое утро я вижу в зеркале ванной!

– Ну, чего тебе? – ворчит недовольно. – Разбудила ни свет ни заря.

– А... – растерянно отступаю, – который час?

– Шесть утра, – она снова зевает, – забыла предупредить, что у наших миров разница во времени двенадцать часов. Ладно, чего хотела?

– Увидеть сына.

Анабель морщится:

– Ну вот, опять за свое. Все с ним в порядке. Дрыхнет без задних ног.

– Дай мне посмотреть на него, – настаиваю на своем.

– Ты не в том положении, чтобы указывать, – замечает она.

Я решаю идти ва-банк:

– Уверена? А если я все Дариону расскажу?

На миг она застывает. На красивом лице отражается страх. Но уже в следующий момент она бросает насмешливо:

– Попробуй. Тогда ты вообще никогда не увидишь сына и никогда не вернешься домой.

– Почему? – шепчу потрясенно.

– Дарион – дарг! – жестко отвечает она. – Все, что его волнует, это проблемы клана и империи в целом. А еще – отсутствие наследника. Неужели ты думаешь, что он отпустит женщину, способную подарить ему долгожданного сына? Да мы для него никто, как и вообще для всех даргов. Драконы не люди, они не умеют любить, жалеть, сочувствовать. У них

кто сильнее – тот и прав. Знаешь, как они нового императора выбирают? Все претенденты сражаются между собой до смерти. До смерти! Победенных не оставляют в живых. А тот, кто убьет всех – получает корону и трон!

Опускаю голову.

Анабель права. Все это я уже сегодня читала. И до сих пор по телу пробегают мурашки от жестокости, которой дышали те строки.

Она продолжает:

– Если бы я родила, то сейчас не переживала бы о том, что мой брак вот-вот рухнет! Если не хочешь сделать это ради меня, сделай ради своего сына. Я дам ему то, что не могут все ваши лекари – возможность ходить без лекарств и выматывающего лечения. Поверь, я могу.

Хватаюсь за ее слова:

– Если ты можешь вылечить моего сына, то почему ты не можешь вылечить себя от бесплодия?

– Не твое дело! – шипит она с внезапной злостью. – Лучше скажи, как ты собираешься провести эту ночь? Опять размазывать сопли?

Качаю головой:

– Дариона нет. Он еще утром куда-то уехал. Точнее, улетел, – добавляю, вспомнив потрясающую картину. И зачем-то добавляю с глупой ухмылкой: – Но обещал вернуться!

– Куда? – Анабель делает стойку.

Юмора она, конечно, не поняла.

– Не знаю. В какое-то Южное гнездо.

– А, – она расслабляется, – это недалеко. К тому же, анкры быстро летают.

Я уже знаю, кто такие анкры. Даже видела их.

– Кстати, – напоминает она, – не забывай про духи! Они не дадут Дариону распознать подлог и усилят его влечение.

– Тоже магия? – понятливо хмыкаю я.

Анабель смотрит на меня с сожалением:

– На даргов не действует человеческая магия. Иначе люди давно бы уничтожили их и вернули себе свои земли...

Ее прерывают знакомые звуки: из спальни доносится недовольный крик Темки. Я инстинктивно дергаюсь, собираясь шагнуть вперед, в зеркало, но лицо Анабель внезапно темнеет:

– Ну, хватит! – резко бросает она. – Разбудила ребенка! Зеркальная гладь покрывается рябью.

– Нет, подожди!

Я хватаюсь за раму, стучу по стеклу, зову ее, требую показать сына – но все напрасно. Ни Анабель, ни моей квартиры в зеркале больше нет. Я вижу отражение комнаты, что стала мне ненавистной. Забыв обо всем, трясущимся чертово зеркало:

– Вернись! Покажи мне его! Ты не можешь так поступить!

За моей спиной отворяется дверь. На пороге застывает Рилия с подносом в руках.

– Госпожа?..

– Что?!

Разворачиваюсь резко, не сдерживая охватившей меня ярости. Кажется, в этот миг я способна убить любого...

Увидев меня, она тихо ойкает и сползает по стенке.

– Г... госпожа... – тычет пальцем мне за спину.

Бросаю взгляд в зеркало и застываю.

Это что, обман зрения? Мои зрачки расширились так, что чернота поглотила всю радужку, а волосы, точно наэлектризованные, поднялись над головой.

Злость отступает. Ей на смену приходит испуг. Кусая губы, касаюсь рукой волос. Ощущаю, как потрескивает статическое электричество. А потом меня пробивает смех. Нервный и злой.

Падаю в кресло, продолжая смеяться. Рилия подает мне стакан:

– Вот, выпейте, госпожа, вам полегчает.

С подозрением смотрю на жидкость в стакане. От нее поднимается знакомый запах:

– Что это?

– Вода. Просто вода и немного аниса.

Осторожно цежу. Здесь никому нельзя доверять.

Истерика понемногу проходит, возвращается ясность рассудка. Я поднимаю на Рилию холодный, сосредоточенный взгляд:

– Никому не говори о том, что видела.

– Можете на меня положиться, госпожа.

Конечно не могу, но другого выхода нет.

– Известно, когда вернется лаэрд?

– Кухарка сказала, что к полуночи должен вернуться. Он приказал оставить еду для него.

– Отлично. Приготовь ванну. И мою лучшую ночную сорочку.

Время бесплодных страдашек прошло. Пора выполнять договор.

Глава 7

Я засыпаю в два часа ночи, не дождавшись возвращения Дариона. Сон тревожный, поверхностный и слетает от малейшего шороха.

Меня что-то будит. Открываю глаза. Чувствую, как в груди тревожно бьется сердце.

Комната погружена во мрак, только на прикроватной тумбочке слабо теплится голубой кристалл.

Прислушиваюсь к тишине.

Слышу шорохи, чьи-то шаги. С улицы доносятся голоса.

Дарион? Он вернулся?

Поднимаюсь, иду к окну. Встаю так, чтобы меня не увидели с улицы. Горло сжимается, когда смотрю вниз.

Да. Он там. Стоит возле колодца. А рядом – женская фигура. Из-за темноты не видно, кто именно с ним, но я понимаю, что это кто-то из служанок.

Вот Дарион снимает с себя рубашку, стаскивает ее через голову. И надо же, чтобы именно в этот момент из-за туч вышла луна. Она озаряет сильное крепкое тело, покрытое росчерком шрамов. Бледно-зеленые чешуйки поблескивают, как драгоценные камни.

Он наклоняется, служанка поднимает ведро и льет воду ему на затылок и спину. Дарион отфыркивается, трясет го-

ловой. Его темные волосы разлетаются, на спине перекатываются рельефные мышцы.

Низ живота наполняется забытым теплом. Я слишком долго была одна, слишком долго запрещала себе смотреть по сторонам. А мужчина передо мной обладает какой-то странной, нечеловеческой притягательностью.

И это пугает меня.

Я на миг прикрываю глаза, чтобы избавиться от наваждения. Напоминаю себе: это просто задание. Сделаю то, что должна – и уйду. Он ведь даже не человек. Он дарг. А дарги не умеют ни любить, ни сочувствовать.

Дарион о чем-то переговаривается со служанкой. Я слышу их голоса, но не могу понять слов. Она смеется. Кладет руку ему на затылок и ведет вдоль позвоночника до самых бедер, перехваченных широким ремнем.

Мне становится не по себе. Возникает неприятное колющее чувство.

Отступаю вглубь комнаты.

Эта служанка его... любовница? Иначе почему он позволяет ей так фамильярно обращаться с собой?

Голоса внизу затихают. Шаги удаляются. Я возвращаюсь в кровать.

Кусая губы, смотрю на светильник-кристалл.

Спустя десять минут слышу шаги за стеной. Дарион поднялся в спальню. Интересно, один?

Меня колотит мелкая дрожь, когда я поднимаюсь. Выкру-

чиваю кристалл из серебряной чаши-подставки. На цыпочках крадусь к смежной стене, прикладываю к ней чашу дном вверх и прижимаюсь ухом.

Спрашивается, что я творю?! Подслушиваю, что происходит в спальне у чужого мужчины!

А он там, кажется, не один. Я очень четко слышу тихие голоса, и один из них – женский.

У меня нет причины для обиды и ревности – он мне никто. Но меня охватывает внезапная злость.

Вот, значит, как. Еще не успел развестись, а уже служанок в постель таскает! Да они с Анабель стоят друг друга! И чем же эта немытая клуша лучше жены?

Злость поднимается неудержимой волной и толкает меня на безумство. Отбрасываю подставку. И мне плевать, что она с грохотом катится по полу. Стремительно направляюсь к двери, ведущей в кабинет, хватаюсь за ручку и рывком тяну на себя.

Она поддается очень легко. Но мне некогда удивляться. Я пролетаю через кабинет, попутно налетая на стол. Слышу, как там что-то падает. В темноте сбиваю маленькую этажерку. Толкаю вторую дверь, теперь уже ведущую в спальню Дариона, шагаю через порог и щурюсь от яркого света.

А вот и он сам. Сидит в кресле рядом с кроватью. В бриджах и белой рубашке, распахнутой на груди. У его ног застыла молоденькая служанка. Она стоит на коленях, ухватившись обеими руками за хозяйский ботфорт.

– Ой! – ее руки разжимаются, нога Дариона с глухим стуком опускается на пол. – Простите, госпожа.

Девушка вскакивает на ноги. На вид ей лет двадцать. Хорошенькая круглолицая блондинка – кровь с молоком. Под форменным платьем угадывается молодая крепкая грудь. Грудь нерожавшей женщины.

От этой мысли мне становится еще хуже.

Дарион поднимает на меня чуть удивленный взгляд. Но я сознательно игнорирую его и приказываю ледяным тоном:

– Вон!

Правая бровь лаэрда выгибается домиком.

– Вон!! – повторяю я, повышая голос.

Служанка пулей вылетает из спальни через другие двери. Я пытаюсь вернуть хладнокровие. Не пойму, почему присутствие этой девушки так укололо меня. Разве мне не все равно, с кем Дарион изменяет своей жене – и вообще, изменяет ли?

Дарг смотрит на меня с кривой усмешкой. Медленно поднимает руки. Раздаются три громких хлопка.

– Ани, спектакль удался. Я впечатлен. А теперь, будь добра, верни Тариссу, пусть она поможет мне снять сапоги, если, конечно, – его голос становится ниже на пару октав, взгляд оценивающе скользит по моей вздымающейся груди, – ты сама не хочешь их снять.

– Что? – ошеломленно смотрю на него. – Спектакль?

– Ну, а как же еще назвать этот внезапный взрыв ревно-

сти? – он тонко улыбается краешком губ. – Что-то не припомню в тебе особых страстей, хотя, признаю, ты отличная актриса. Умеешь изобразить любое чувство так достоверно, что даже я имел глупость попасться на твой обман.

Я смотрю на него в полной прострации, хлопаю ресницами и ничего не могу понять. О каком обмане он говорит? Анабель обманула его? Но в чем?! Разве он не женился на ней по договору?

Дарги не встречаются, не влюбляются, не ухаживают. Они выбирают избранницу, проводят с ней ночь до утра, а на рассвете называют своей женой – и все. О каком обмане и каких чувствах можно здесь говорить?

– Ну так что? – Дарион нетерпеливо указывает на сапог. – Ты вернешь служанку или сама это сделаешь?

Больше всего на свете я хочу швырнуть чем-нибудь тяжелым ему в лицо, выскочить из комнаты и навсегда забаррикадировать эту дверь. Но именно в этот момент вспоминаю про принятое решение. И, стиснув зубы, цежу:

– Сама.

Он благосклонно кивает:

– Приступай.

Откидывается на спинку кресла и протягивает обе ноги. Его глаза насмешливо блестят. Он испытывает меня. Ждет, что я сдамся и убегу?

Не дождется!

Смотрю на двери, за которыми исчезла служанка. Они за-

крыты неплотно, осталась узкая щель, и мне кажется, что я вижу в этой щели какое-то шевеление. Тарисса осталась подглядывать?

Ладно, завтра с ней разберусь.

Перевожу на Дариона сосредоточенный взгляд. Мысленно закатываю рукава, хотя у моей сорочки только кружевные бретели, и вся она из тонкого шелка, под которым светится тело. Только я об этом забыла, когда влетела сюда, а теперь уже поздно стесняться. Он успел меня всю рассмотреть.

Пересекаю несколько метров, отделяющих меня от кресла. Опускаюсь перед Дарионом на колени и, закусывая губу, беру в руки левый ботфорт. Тяну на себя. Тот с трудом поддается. Приложив усилие, стаскиваю его, отбрасываю в сторону и беру за другой.

Дарион вдруг наклоняется и утыкается носом в мою макушку. Шумно втягивает воздух. Я замираю, а он ведет носом вниз вдоль виска и останавливается в ямке за ухом.

– Молодец, девочка, – слышу тихое бормотание. – У тебя хорошо получается.

А потом его пальцы зарываются мне в волосы.

Я покрываюсь мурашками. Руки не слушаются, горло сжимается. Мне не хватает дыхания, а внизу живота зарождается предательская пульсация.

Кусаю себя за щеку, чтобы вернуть ясность мыслям, и резко стягиваю второй сапог.

– Все, – заявляю, пытаюсь подняться.

Но Дарион крепко удерживает меня. Я так и сижу перед ним на коленях. В ненавистной позе покорности и послушания.

– Ани, посмотри на меня.

Голос Дариона становится хриплым и чувственным. Он обволакивает меня, пробуждает забытые ощущения. Но я не хочу о них вспоминать. Я хочу закрыть свой разум и сердце, отделиться от чувств и позволить телу исполнить то, ради чего ввязалась во все это.

Мужская рука в моих волосах немного сжимается. Дарион тянет, заставляя меня поднять голову. Но я опускаю глаза в знак протеста.

Чувствую, как его пальцы касаются моих губ, скользят, обрисовывая скулу и подбородок.

– Ты же всегда играла в послушную девочку, – шепчет он немного насмешливо. – Что же случилось теперь?

И наклоняется еще ниже. Меня обдаёт жаром от его близости. Я хочу отползти, избавиться от наваждения – и не могу.

Дарион будто чувствует это. Понимает, что я в ловушке. Его дыхание опалает мою щеку.

– Кажется, ты получишь то, что хотела, – шепчет мне в губы.

Я вскидываю испуганный взгляд. Пытаюсь отпрянуть, но поздно.

Губы Дариона накрывают мои. Зло. Отчаянно. Жёстко.

Это может быть что угодно, только не поцелуй! Он словно мстит мне за что-то. Или не мне – Анабель...

Он кусает меня за губу и отталкивает.

Я решаю, что это все. Но нет. Дарион резко встает, наклоняется и рывком отрывает меня от земли.

Мой первый порыв – вырваться. Но я подавляю его и покорно обвисаю в руках дарга. А он несет меня к кровати, почти швыряет на темное покрывало и наваливается сверху.

В его глазах больше нет насмешливых огоньков. Там что-то другое. Из глубины зрачков Дариона на меня смотрит дикое плотоядное существо. И сейчас его охватило желание.

– Только не сопротивляйся, – бормочет, уткнувшись мне в шею. – Иначе я не сдержусь...

А потом начинает задираТЬ мне подол. Движения рваные, быстрые, он словно боится не успеть. Или боится, что я оттолкну и сбегу?

Судорожно выдыхаю. Откидываюсь на подушки и закрываю глаза.

Дарион делает все быстро и молча. Я только слышу, как жалобно трещит шелк под его руками. Мое полуобнаженное тело охватывает легкая дрожь.

Мне страшно, но я заставляю себя расслабиться. Не думать о том, что происходит сейчас. Вернуться мыслями в прошлое. То прошлое, где я была счастлива. Но вместо этого вспоминаю свой сон. Ощущение теплых объятий и незнакомый, но такой нужный голос: ничего не бойся, теперь я с

тобой.

Внутренней стороны моих бедер касаются пальцы Дариона. Они шершавые, все в мозолях и царапают чувствительную кожу.

Я инстинктивно сдвигаю ноги. Пытаюсь. Но дарг с силой разводит мои колени. Каменные мужские бедра вклиниваются между моих бедер. Горячая плоть входит в меня.

Нет, мне не больно. Мне вообще... никак.

Дарион молча вбивается в мое тело. Звук его дыхания заполняет пространство, перекрывает все остальные звуки, нарастает, как колокольный звон, смешивается с ударами крови и переходит в крещендо.

Слышу сдавленный стон. Дарион застывает, каждая его мышца напряжена, каждая жила натянута. Я зачем-то открываю глаза и натыкаюсь на его взгляд. Зрачки дарга превратились в две узкие щели, в изумрудных радужках вспыхивают желтые искры.

Неужели все это время он смотрел на меня?

От этой мысли я цепенею. А лицо мужчины надо мной начинает меняться. Не сразу, но понимаю, что происходит: от висков вниз до подбородка проступает темно-зеленая чешуя, отливающая золотом. Зрачки расширяются, сквозь сжатые губы прорывается рык.

Кажется, все...

Между бедер немного ноет от непривычки. Слишком давно у меня никого не было. Но я благодарна Дариону, что он

не стал растягивать «удовольствие», а сделал все быстро.

Теперь понимаю слова Анабель: дарги не умеют любить. Да, то, что случилось здесь, точно нельзя назвать любовью, а Дариона – умелым любовником. Он просто использовал меня, точнее, свою супругу, удовлетворил свою похоть и...

И все!

Едва дарг отпускает меня и ложится рядом, как я пытаюсь встать, чтобы отправиться в ванную, а еще лучше – сбежать в свою комнату и там, в одиночестве, спокойно поплакать. Но он придавливает меня рукой к кровати и бесцветно цедит:

– Доиграй до конца свою роль послушной жены. Или не знаешь, что бегство только подхлестнет меня? Хочешь продолжения?

Эти слова, сказанные злым, тихим тоном, заставляют подчиниться. Нет, продолжения я не хочу, значит, не будем дразнить... дракона.

Но на этом странности не заканчиваются. Дарион вдруг обнимает меня, как ребенок обнял бы любимого плюшевого медведя. Утыкается носом в макушку. Прямо идиллия. Постепенно его дыхание выравнивается, становится тихим, глубоким.

Вскоре он засыпает.

Я же лежу, смотрю в потолок. Стараюсь отрезать от памяти кусок того, что здесь случилось. Буду относиться к этому как к неприятной, но необходимой процедуре. В конце концов, мое тело не так уж дорого стоит, чтобы хранить его. Да

и не для кого. А плата за пять минут унижения – более чем достаточна.

Может, местные боги смилостивятся, и мне повезет. Я забеременею с первого раза.

Последняя мысль ласкает душу мягкой кошачьей лапкой: первое условие выполнено, теперь я увижу сына.

Глава 8

Удивительно, но в эту ночь я сплю как убитая. Утром просыпаюсь одна.

Дариона нет, но подушка и простыни все еще хранят запах его тела.

Чувствую глупое желание уткнуться носом в мятую ткань, вдохнуть этот запах поглубже, дать ему осесть в моих легких и закрепиться там. Но вместо этого откидываю одеяло и резко встаю.

У меня нет права на сантименты. У меня есть только цель. Моя сорочка разорвана. Ее остатки валяются по всему полу, но на спинке кресла я замечаю мужскую рубашку. Стиснув зубы, напяливаю ее на себя. Она пахнет Дарионом.

Я отрезаю от себя эту мысль. Отсекаю резко, как воспаленный аппендикс.

Когда захожу в свою спальню, там только Рилия. Копытится возле камина с угольным ящиком.

– Выйди, – бросаю, не глядя.

Она оборачивается. И, видимо, замечает что-то в моем лице, потому что бледнеет и начинает поспешно подниматься с колен.

Едва за ней закрывается дверь, я встаю перед зеркалом. Поворачиваю проклятый перстень. Через минуту по ту сто-

рону стеклянной преграды появляется моя прихожая, а я слышу звук телевизора, свист чайника и шаги Анабель.

– Я сделала, что ты хотела. Где мой сын?

– Ну вот, а ты боялась.

Анабель с удовлетворенной усмешкой осматривает меня.

– Я хочу увидеть сына.

– Увидишь. Лучше расскажи, как все прошло? Мой муж был нежным с тобой? Или грубым? Тебе понравилось?

Меня начинает трясти. Внутри закипает злость.

– Где мой сын? – повторяю уже в третий раз. – Ты обещала!

– Да ладно, ладно, что-то ты не очень разговорчивая сегодня, – машет рукой. – Сейчас приведу, нетерпеливая ты наша.

«Приведу»? Я не ослышалась?

Мое сердце едва не выскакивает из груди, когда Анабель возвращается. Она держит Темочку за руку, и он... он идет рядом с ней, нетвердо перебирая слабыми ножками.

Я чувствую, как проваливается пол под ногами. У меня будто выдернули позвоночник, и тело безвольной кучей падает вниз, на колени. Горло сжимается от беззвучных рыданий. Слез нет, я просто не могу дышать.

Задышавшись, прижимаю руки к груди. Не могу оторвать взгляд от зеркала. Нет, от сына.

Он как будто немного подрос за эти дни. Волосенки закручиваются в смешные кудряшки. В свободной руке Темка

крепко сжимает обслюнявленный бублик и смеется, показывая передние зубки.

Но не мне. Он с восторгом смотрит на мою копию. На Анабель. И от этого мне еще хуже. От того, что не я сейчас рядом с ним. Не я держу его за руку, не я глажу по голове, не я дала ему этот треклятый бублик!

– Видишь? – Анабель останавливается перед зеркалом. – С ним все в порядке.

– Он ходит... – шепчу одними губами.

– Ну, конечно, – фыркает она. – Мне надоело таскать его на руках, он тяжелый.

Темка тянется ручонками к зеркалу, что-то гулит.

– Сыночка... – касаюсь пальцем его ладошки, но чувствую только холодную гладь стекла.

– Он тебя не видит.

Моя рука безвольно падает вниз.

– Почему?

– А зачем? Сейчас я у него вместо тебя. И кстати, если надумаешь меня обмануть, твой сын разучится ходить так же быстро, как и научился, – напоминает она.

Это заставляет меня очнуться и вспомнить о главном. Бросаю на сына наполненный болью взгляд и поднимаюсь с колен.

– Как ты узнала, что я была с Дарионом? Я ведь могла обмануть.

Она насмешливо фыркает:

– Думаешь, я так наивна, что полагаюсь только на твое слово? У меня в замке есть преданные люди.

Что-то такое я подозревала.

На ум тут же приходит Рилия. Но я решаю не озвучивать свой вопрос. Если горничная и есть шпион Анабель, лучше скрыть свои подозрения. Пусть считают, что я глупее, чем есть.

– Что я теперь должна делать? – перевожу разговор на нужную тему.

– Скажешь Рилии, пусть сделает тебе отвар по рецепту ее матушки. Она знает какой. Будешь пить по три стакана в день – и не меньше.

– Что за отвар?

– Специальный. Действует куда лучше, чем молитва от бесплодия и паломничество по святым местам.

– Но тебе он не помог, – добавляю, не скрывая иронии.

– А вот это тебя не касается! – шипит Анабель. – Ты свое дело знай. Если через три дня покажется кровь – значит, ты не беременна. Так что подумай, как будешь соблазнять моего муженька.

– Но ведь он собирается уезжать по делам! – вспоминаю я.

– Вот именно. У тебя еще целые сутки. Сделай так, чтобы он взял тебя с собой.

– Ты думаешь, я волшебница?! – бросаю в сердцах. – Знаешь ли, твой Дарион вовсе не лапочка! И у меня нет ни малейшего желания таскаться за ним по гарнизонам!

Анабель какое-то время молчит, только тонко усмехается. Потом сообщает:

– Ну, как знаешь. Магический договор разорвать нельзя. Тебе придется оставаться в моей шкуре, а мне в твоей, пока он не будет исполнен.

Она поднимает руку, чтобы закрыть портал, и я вдруг спохватываюсь:

– Нет! Подожди!

– Что-то еще? – смотрит так выжидающе, будто заранее знает, что услышит сейчас.

– Хорошо, – мои плечи опускаются. – Ты победила. Я сделаю все, что в моих силах. Но если Дарион возьмет меня с собой, как я буду видеться с сыном?

– А кто сказал, что ты будешь с ним видеться?

– Но... разве...

– Если через три дня у тебя пойдет кровь, тебе придется все повторить сначала. Одна ночь с моим мужем – одно свидание с сыном.

– А если не пойдет?

Смотрю на нее, как побитый пес на хозяйку, с надеждой. И от этого ненавижу себя.

– Если не пойдет, и беременность подтвердится, тебя вернут домой. Только не думай, что сможешь избавиться от ребенка, – усмехается, будто прочитав мои мысли. – Ты должна выносить его и родить. Если до этого с ним что-то случится – твой сын никогда не встанет на ноги!

– Ты жестокая, – бормочу, опуская глаза.

– Нет. Ты бьешься за свое счастье, а я за свое. Это нормально. В этой битве все средства хороши.

Зеркало темнеет, портал закрывается. Я в задумчивости кручу в руках пузырек с духами. Теми самыми, что дала Анабель.

Она права, мне придется сделать так, чтобы Дарион взял меня в эту поездку. Я не могу рисковать. А потом, если все получится, еще девять месяцев вынашивать его дитя...

А вот об этом лучше не думать. Вообще.

Гоню запретные мысли. Короткими мазками наношу духи за уши и на запястья. Смотрю на себя в зеркало. Вспоминаю, как от злости вчера потемнели мои глаза, как поднялись дыбом волосы. Интересно, что это было?

В тот момент меня видела только Рилия. Если это она шпион Анабель, то должна была сообщить ей об этом. Но почему Анабель ничего не сказала при встрече?

Может, шпион не Рилия, а кто-то другой. Например... Тарисса...

***

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Это непреложная истина, проверенная веками. Так что не буду изобретать колесо. Просто пойду на кухню и сама приготовлю обед. Впечатлю «супруга» своим кулинарным искус-

СТВОМ.

– Юна, – спрашиваю главную кухарку, – ты не против, если я у вас тут немного похозяйничаю? Хочу приготовить лаэрдю свое коронное блюдо.

Женщина в полной растерянности хлопает ресницами. Ее помощницы так и застыли, когда я вошла: кто с поварешкой в руках, кто с ножом, а одна прямо посреди кухни выронила медный таз, заполненный краснобокими яблоками.

– Госпожа... – кухарка неловко мнетя и бросает на товарок сердитые взгляды, – как же я могу вам запретить?..

– Вот и отлично. Покажи кладовую.

Играть роль хозяйки очень непросто. Как и ходить мимо слуг с гордо поднятой головой. Женщины в кухне намного старше меня, особенно Юна, я не могу обращаться с ними с легким презрением и прохладцей, как настоящая Анабель обращалась со мной.

В кладовой находится все, что мне нужно. Белоснежная мука тончайшего помола, соль, лук, специи. По приказу Юны огромный мужик с диким взглядом и торчащими дыбом короткими волосами приносит кусок отборного мяса, в котором я узнаю свинину.

– А говядина есть?

– Телятина, госпожа. Только вчера зарезали.

– Отлично, пусть несут.

Для того, что я задумала, мясо лучше смешать.

На самом деле я не очень люблю готовить – так, по необ-

ходимости, – но у меня есть в запасе парочка коронных блюд. Например, манты. Вряд ли в этом драконьем царстве есть что-то подобное. Вот и налеплю целый таз.

Женщины на кухне настороженно наблюдают за мной, но помощь не предлагают. Ну и не надо. Надеваю кем-то поданный фартук, вспоминаю улыбку Темки, его смешные кудряшки, попытку самостоятельно сделать шажок, и не замечаю, что сама начала улыбаться.

В глиняную миску наливаю воду, вбиваю яйца, солю и мешаю.

Юна прорывается что-то сказать, но молчит. Только пыхтит неодобрительно.

На столе уже высится горка просеянной муки. Делаю в ней углубление, тонкой струйкой лью яичную воду, начинаю замешивать.

Тесто получается восхитительное. Живое, эластичное, не липнет к рукам. Не замечая шепотков, подсыпаю муки, формирую шар и требую кусок чистой ткани, чтобы накрыть мое творение.

– Госпожа, – не выдерживает Юна, – могу я спросить, а что это будет?

– Можешь, – согласно киваю, – только я не скажу.

Она поджимает губы.

– Но дам попробовать, – добавляю с улыбкой.

После встречи с Темочкой я всех люблю.

– Кстати, кто-нибудь знает, а где лаэрд? – называть его

мужем мне что-то не хочется.

– Так в это время хозяин всегда в питомнике. И сейчас там, наверное, – робко говорит кто-то.

– А Тарисса? – роняю, будто невзначай.

Нет-нет, меня совершенно не интересует местонахождение этой служанки.

– Убирает в хозяйских покаях.

Ах, вот оно что...

Значит, Тарисса убирает спальню Дариона? Придется ей сменить род деятельности.

Вспоминаю мальчишку, который на днях проводил меня в прачечную. На вид ему лет четырнадцать, он сильный и рослый. И, надеюсь, достаточно умный, чтобы заменить белье на хозяйской кровати да вычистить пепел из камина.

В тот момент даже не думаю, как Дарион отнесется к моему самоуправству. Просто беру со стола огромный тесак, рублю мясо в мелкий фарш и улыбаюсь, представляя, что это Тарисса.

Юна робко пристраивается рядом со мной:

– Госпожа, а что с луком-то делать?

– Тоже мелко порубить.

Постепенно подключаются и остальные женщины. Я для каждой нахожу задание.

Мантоварки, понятное дело, в этом средневековье не водятся, так что я приказываю поставить на огонь котел с широким дном и обвязать верх чистой тканью, как делала моя

бабушка, когда готовила вареники на пару. На меня с удивлением косятся, но не перечат.

Вскоре фарш готов, тесто раскатано тонким слоем и нарезано квадратиками, вода вот-вот закипит. Осталось самое важное.

– Будете помогать, – выношу я вердикт, оглядывая поле боя. Точнее, сотню заготовок для мантов. – Смотрите, как надо.

Женщины собираются вокруг меня, вытягивают шеи, чтобы увидеть, чем я там занята. Постепенно напряжение падает, я ловлю интерес в их глазах и устраиваю пошаговый мастер-класс. Ловко заворачиваю фарш в тесто. Делаю волнистый край. Повторяю процедуру еще раз и еще, потом хожу между усиленно пыхтящих учениц, пытающихся повторить за мной. Подсказываю, показываю. Они быстро учатся, и вскоре на чистой доске, чуть припыленной мукой, появляются стройные ряды аккуратных небольших мантов.

– Госпожа, вода кипит! – кричит самая молоденькая.

Ее зовут Элька, и Юна поставила ее следить за котлом.

– Как раз вовремя, – я указываю на доску, – будем варить и пробовать!

Выкладываю на ткань первую порцию мантов, сверху кладу таз вверх дном.

– Все, теперь только ждать.

Пока манты варятся, Юна по моей просьбе приносит горшочек сливочного масла. Дальше я почти не участвую, толь-

ко руковожу процессом. Кто-то снимает таз с котла, кто-то выкладывает в миску с маслом горячие манты, кто-то ставит на огонь вторую порцию.

А я приглашаю своих помощниц к столу. Они заслужили первыми попробовать иномирное блюдо.

Пробуют недоверчиво, осторожно. Но вот на их лицах расцветают улыбки. Я ловлю комплименты моей стряпне. И почти не горжусь. Ну, ни чуточки. Просто знаю, что пельмени, вареники и манты получаются у меня лучше всего.

– Госпожа, а можно мы приготовим эти...

– Манты, – подсказываю.

– Да, манты, для всех. Или это блюдо только для лаэрда? – Юна заглядывает мне в глаза.

– Я не против, – смеюсь, – только сами.

И устало опускаюсь на лавку.

В кухне стоит непринужденная атмосфера. Женщины перебрасываются шутками, уже не стесняясь меня. Вот Элька садится рядом, держа миску с золотистыми луковицами.

– Помочь? – предлагаю, забыв, что я здесь хозяйка.

У той глаза расширяются так, что вот-вот выскочат из орбит.

– Нет, что вы, госпожа! – пищит в священном ужасе. – Вы же льера!

– Вот. А разве льере можно отказывать?

Сидим, чистим лук. У обеих слезы на глазах. Поглядываем друг на друга и глупо смеемся.

А меня вдруг охватывает странное чувство. Теплое такое, надежное. Будто я дома.

Шум в кухне внезапно стихает. Возникает тяжелая, давящая тишина, и мои внутренности сворачиваются колючим узлом.

– Ваша Светлость, – бормочет Юна, – чего изволите?

Он немой угрозой проходит мимо нее.

Я замираю с луковицей в руках. Элька сползает под стол. Остальные женщины жмутся к стенам.

Дарион останавливается напротив меня. Упирается ладонями в стол. Нависает.

– Что. Ты. Здесь. Делаешь? – цедит, отделяя каждое слово.

Сглатываю комок.

– Готовлю.

Стараюсь говорить спокойно, но чувствую, что голос дрожит.

– Ты?

– Я...

Он распрямляется и обводит кухню изучающим взглядом.

– Ани, ты решила меня отравить?

Кто-то ахает, кто-то роняет ложку.

Я начинаю злиться.

– А что, есть причина?

– Мы женаты пять лет, и я не припомню за тобой пристрастия к стряпне. Так что отвечай на вопрос.

– Да иди ты! – вскакиваю в сердцах.

Срываю фартук, швыряю на лавку и вылетаю из кухни мимо оторопевшего Дариона.

Меня душат слезы. Обидно так, что хочется вернуться и надавать этими мантами ему по щекам. Я хотела как лучше, я старалась, а он...

Гад чешуйчатый!

Глава 9

Я так зла, что даже не замечаю, куда несут меня ноги. Ломлюсь сквозь какие-то клумбы, кусты, деревья. Пока, наконец, платье, зацепившись за ветку, не останавливает меня.

Яростно дергаю за подол. Слышу треск ткани. Кусок золотистого кружева остается на ветке. Ну и пусть. Мне плевать.

Я продвигаюсь все глубже и глубже, в самую чашу. Глаза застилают слезы обиды и гнева. А сердце сжимается так, что больно в груди.

Ловлю себя на предательской мысли: хочу домой! К маме! К Темке! Я слишком слаба, чтобы бороться...

Один косой взгляд, одно грубое слово – и у меня уже глаза на мокром месте. Я ни на что не гожусь, даже собственному сыну помочь не могу!

Внезапный звук заставляет меня резко остановиться. Замираю, вслушиваясь в тишину.

Он повторяется: тихий, утробный рык, идущий будто из-под земли.

У меня по телу пробегают мурашки, внутри холодеет.

Что за животное способно издавать этот звук?

На ум приходит только одно: огромный дракон изумрудного цвета. Наверное, я забрела туда, где дарги держат своих крылатых питомцев.

Оглядываюсь, пытаюсь понять, куда я попала. Вокруг только толстые шершавые стволы да густое переплетение ветвей. Здесь так сыро и пасмурно, что даже трава не растет: под ногами пустая земля, прикрытая прошлогодними листьями.

Зябко ежась, обхватываю себя за плечи.

Нужно как-то выбираться отсюда, но как, если я даже не помню, с какой стороны пришла?

И снова рычание.

Я замечаю просвет с той стороны, откуда доносится звук. Немного поколебавшись, решаю идти туда. Да и рычание не кажется мне угрожающим, скорее, жалобным.

Еще десяток осторожных шагов по высохшим листьям, и я оказываюсь возле непонятного строения. Оно похоже на длинный ангар, разделенный на секции. Серые стены, плоская крыша. Только вместо передней стены – мощная стальная решетка.

Между мной и этой решеткой – открытая площадка метров двадцать, посыпанная желтым песком. Я останавливаюсь, не решаясь преодолеть это расстояние. Вглядываюсь в темноту за решеткой, и мне кажется, что там что-то движется. Что-то большое, опасное.

Кто-то шумно вздыхает там. Отфыркивается. Тихо рычит. Так, что у меня под ногами вибрирует земля.

Может, лучше уйти? Говорил же Дарион не бродить тут одной...

Я уже готова развернуться и шагнуть назад, в лес, когда замечаю движение. Между прутьев решетки появляется темно-зеленая клиновидная голова. Два желтых глаза с щелевидными зрачками смотрят на меня в упор, не мигая.

Голова не маленькая, но у тех анкров, на которых улетали дарги, головы были в три раза крупнее. Значит, это детеныш?

Не зная, что делать, разглядываю его. Симпатичный такой, зеленый дракончик.

Он раскрывает зубастую пасть и демонстрирует свой арсенал. Я послушно впечатляюсь: бледнею и чувствую, как по спине ползет холодок. Детеныш он или нет, а руку отхватит одним небрежным укусом.

Дракончик фыркает, выпуская из ноздрей струйки пара. Он что, еще и огнем плюется?!

Нет, мне точно пора искать местечко поспокойнее...

Стоит об этом подумать, как рядом с зеленой головой появляется еще одна – такая же зеленая. Ну, может быть, оттенок немного другой. А потом еще одна и еще.

Затаив дыхание, не в силах пошевелиться, смотрю, как из темноты ангара сквозь решетку пролазят головы анкров. И все, не мигая, разглядывают меня.

Сквозь слой облаков пробивается солнце. Его лучи зажигают искры в изумрудной чешуе, и дракончики начинают сверкать, будто драгоценные камни. Зрелище настолько за-

вораживающее, что я, забывшись, делаю шаг вперед.

Сама не замечаю, как пересекаю площадку. Останавливаюсь только в шаге от решетки. Кажется, протяну сейчас руку – и коснусь этих дивных созданий.

Теперь я вижу и их тела: сильные, гибкие, мощные. Молодые анкры трутся друг об друга, желая протиснуться к решетчатой преграде. Недовольно порывают на конкурентов, фыркают. Некоторые размером со взрослого льва, но есть и поменьше. Малыши как раз не особо рвутся к прутьям решетки. Стоят в глубине ангара, не решаясь приблизиться. Словно боятся, что более сильные собратья их отпихнут.

– Привет, – говорю зачем-то.

Будто эти звери могут меня понять!

В ответ раздается короткий нестройный рык.

Один из драконов вытягивает длинную шею. С опаской кошусь в его сторону, но он лишь высовывает язык. Зато я получаю мягкий тычок с другой стороны.

Отпрыгиваю с тихим вскриком.

Кто-то из анкров насмешливо фыркает. Он явно доволен, что смог дотянуться и боднуть меня в бедро.

– Ах вот как? – угрожающе упираюсь руками в бока. – Решили меня напугать?

Они дружно кивают, выпуская в воздух белые облачка пара. Неужели и правда понимают меня?

«А почему бы и нет? Они же ручные, дрессированные... в

конце концов, домашние звери, – мысленно убеждаю себя. – Как лошади. Или собаки».

Удивительно, но я больше не чувствую страха. Он бесследно исчез. Зато ловлю себя на том, что улыбаюсь, глядя, как анкры пытаются ухватить зубами мой подол.

Непроизвольно тянусь рукой к тому, что ближе всего. Осторожно касаюсь шершавого носа. Вопреки ожиданиям, анкр на ощупь оказывается теплым, сухим. Я веду рукой вдоль его морды, чувствуя каждую грань чешуи, словно по нагретым солнцем мелким камушкам.

Анкр фыркает мне в ладонь. Тепло и щекотно. Остальные теснят его, подставляют свои покатые лбы, ластятся, будто щенки.

– Тише, тише, – смеюсь, – всем достанется.

Позабыв про недавнюю обиду и страх, опускаюсь на корточки. Дракончики обнюхивают меня, тычутся носами в плечи и руки. Один умудряется даже лизнуть в щеку. Язык у него горячий, шершавый и сухой.

Я старюсь дотянуться до каждого. Коснуться, погладить между широко расставленных глаз, почесать там, где должно находиться ухо. Они тихо порыкивают, толкаются, желая завладеть моим вниманием.

А я с улыбкой вспоминаю, что когда-то боялась ящериц. Даже змею в контактном зоопарке отказалась гладить. Испугалась. Теперь мне смешно. Я почесываю зубастых анкров и не испытываю ни малейшего страха.

– Эй, малыш, иди сюда, чего ты там прячешься? – подзываю самого маленького, притаившегося в глубине.

Ну как «маленького»? Этот малыш размером с хорошего добермана. Но учитывая размеры взрослого анкра, он маленький.

Тот робко переминается с лапы на лапу. Поглядывает в сторону более крупных собратьев.

– А ну, – командую, – расступитесь! Надо делиться!

И, подтверждая свои слова, легонько отталкиваю самые настырные морды.

Анкры возмущенно порываются, но отступают. Я просовываю руку в решетку, раскрываю ладонь:

– Иди сюда, моя прелесть.

Самый маленький дракончик робко делает шаг ко мне и останавливается в нерешительности, поджав переднюю лапку. Его крылья волочатся по полу, хотя у других плотно прижаты к телу. И, в отличие от других, он не зеленый, а бледно-желтого цвета.

– Ну же, иди, я не обижу тебя. Просто хочу посмотреть, какой ты красивый. Или... красивая? – добавляю задумчиво.

Отчего-то мне кажется, что это самочка. Может, от того, что этот анкр самый маленький. Или от того, что у него нет костяных наростов на лбу и когтей на сгибах крыльев. А может, мне просто так хочется.

Дракончик бочком, настороженно, приближается ко мне. Он готов в любой момент отпрыгнуть и дать стрекача. Ка-

жется, что я даже чувствую, как бьется его сердечко.

– Не бойся, малыш, – шепчу, не желая его пугать.

Кончиками пальцев касаюсь подставленной головы. Дракончик замирает, будто раздумывая: бежать или нет. Потом все же решается сделать еще один шагок в мою сторону. Упирается лбом в ладонь и тихо вздыхает.

Мои губы расплываются в глупой улыбке. Я почесываю это милое чудо по мордочке, а у самой внутри зарождается странное чувство. Какой-то теплый и мягкий комок. Будто там свернулся котенок и вот-вот заурчит.

А минуту спустя и правда слышу урчание. Маленький анкр мурлычет как заправский кот! Ух ты, эти драконы и так умеют?!

– Гхм... – недовольный голос нарушает идиллию. – Ани? Что ты здесь делаешь?

Мне на плечо ложится знакомая рука. Мужская. Тяжелая. Придавливает, будто кусок скалы.

Маленький анкр исчезает в глубине ангара. Остальные, порывивая, тянут головы вверх.

– Разве я не говорил, чтобы ты...

С досады закусываю губу. Выдергиваю свою конечность из решетки, вскакиваю на ноги и резко оборачиваюсь, не забывая скинуть с плеча руку Дариона.

Мой «супруг» непростительно высок. Приходится задрать подбородок, чтобы не клюнуть носом ему в грудь.

– Чтобы я «что»? – заявляю, упирая руки в бока.

– Не ходила одна. Это опасно.

Он смотрит на анкров мимо меня и добавляет:

– Как ты вообще сюда забрела? Я ищу тебя больше часа, но и подумать не мог, что ты пойдешь в питомник.

Звери тянутся к нему, радостно фыркают. Сразу видно, узнали хозяина.

– Так это питомник? – вырывается у меня.

Тут же спохватываюсь: нельзя показывать свое удивление. Я и так ошибаюсь на каждом шагу. К тому же, мне совсем не хочется знать, что будет, если Дарион догадается о подмене!

– Интересно, – бормочет дарг, продолжая удивленно разглядывать дракончиков. – Наши анкры недолюбливают людей, а люди либо боятся, либо ненавидят их. Точнее, людям вообще свойственно бояться и ненавидеть все, что на них не похоже. Но ты...

Он бросает на меня внимательный взгляд:

– Разве ты не боишься их?

– А-а... э-э-э... – блею, желая провалиться сквозь землю. – Немного да. Зубы вполне себе впечатляющие. И когти.

На всякий случай показательно ёжусь.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Ну... они не кажутся такими уж людоедами, – пытаюсь скрыть смущение за виноватой улыбкой, – особенно тот, самый маленький.

Дарион хмурится. В его глазах я вижу недоверие и вопрос.

– Самый маленький? – повторяет он и приближается к ре-

шетке.

Затем издает странный свист.

Анкры расступаются и ложатся на землю.

Дарг не произносит больше ни звука, но могу поклясться, что это не мешает ему общаться с драконами! Я вижу, как он смотрит на них, и вижу, как под его взглядом самые крупные отползают один за другим.

Через пару минут пространство у решетки оказывается пустым.

Нет, не совсем. Один дракончик остался. Тот самый, с опущенными крыльями.

– Ты говорила о нем? – Дарион поворачивается ко мне.

Молча киваю.

– Это Теффа, – дарг протягивает руку, и малыш со вздохом кладет голову ему на ладонь. – Единственная самочка в этой кладке. И самая слабая. Нашему клану последнее время не везет с женским полом.

Чувствую в словах Дариона странный подтекст. Он не смотрит на меня, поглаживает Теффу по холке, но почему-то мне кажется, что эти слова относятся именно ко мне.

Нагло игнорирую намек и задаю резонный вопрос:

– Если она самая слабая, то почему ее держат с остальными?

– У нее нарушен теплообмен. Братья согревают ее своими телами. Если ее отсадить, она замерзнет в первую же ночь.

– А где их мать?

Вглядываюсь в темноту ангара в поисках родительницы.

– Взрослые анкры здесь не живут. Они гнездуются на вершинах скал, устраивают себе лежки в пещерах.

– Это туда ты летал вчера?

Он бросает на меня странный взгляд.

– Я видела, – поясняю, – в окно.

Потом решаю блеснуть новыми знаниями, почерпнутыми в библиотеке:

– Шимис – это же болезнь, от которой у анкров выпадает чешуя?

Дарион пожимает плечами:

– Сначала чешуя, потом когти и зубы. На последней стадии разрушаются кости.

– И как, анкры в Южном гнезде больны?

Чувствую себя глупо до безобразия. Пытаюсь наладить с ним диалог и в то же время понимаю, как жалко выглядят эти попытки. Дарион замкнут, немногословен, думает о чем-то своем и не торопится отвечать. Я стою рядом с ним, а кажется, будто между нами вселенская пустота. Он чужой. И мир здесь чужой, и люди.

Меня охватывает тоска. Становится жаль настоящую Анабель – она ведь тоже наверняка чувствовала себя здесь чужой.

– Не совсем, – внезапно говорит Дарион. – У них ложный шимис. Несезонная линька.

– Это опасно?

– Нет...

Дарг смотрит на меня. Теряюсь под его взглядом. Слишком уж он пронзительный и пытливый. Кажется, Дарион хочет проникнуть мне в душу и прочитать то, что таится в ее глубине.

Чувствую, как кровь приливает к щекам.

А он делает шаг ко мне и без слов берет за руку.

Высвободить пальцы не получается, мужская хватка слишком крепкая. От ладони Дариона распространяется будоражащее тепло, напоминая про минувшую ночь. И неожиданно я вспоминаю тяжесть мужского тела, его терпкий запах, соленый пот... Отблески света в зеленых глазах. Хриплый стон...

– Дарион? – мой голос срывается. – А зачем ты меня искал?

Вместо ответа он тянет меня за собой. Я неохотно поддаюсь, у меня ведь нет выбора.

Слева от питомника обнаруживаются ворота, одна створка которых слегка приоткрыта. Мы проходим в нее. Теперь я узнаю заднюю часть двора и кирпичную кладку сторожевой башни.

– Куда ты ведешь меня?

Он молчит. Я понимаю, что задавать вопросы бессмысленно, и от этого мне становится не по себе. А вдруг он все понял?! Вдруг обо всем догадался?

От этих мыслей мои ноги начинают дрожать, а ладони становятся влажными.

Мы обходим башню, направляемся к главному корпусу. Вот и крыльцо. Дарион пропускает меня вперед. Я переступаю порог, нерешительно оглядываюсь на охранника у дверей. Тот приветствует лаэрда молчаливым кивком.

Меня захлестывает смятение.

Что-то не так. Почему Дарион молчит? Зачем мы пришли сюда?

Словно чувствуя, что происходит со мной, он отпускает мою руку, но тут же его ладони стискивают мои плечи.

– У меня есть кое-что для тебя, – говорит он странным голосом и указывает на двери.

Глава 10

Мы вдвоем переступаем порог. Я смотрю и не верю глазам: стол, накрытый на две персоны. Но это не все. Посреди стола высится большая серебряная чаша, в которой желтеют манты.

Теряю дар речи. И слышу, как Дарион произносит негромко:

– Ты же хотела пообедать вдвоем? Вот, давай пообедаем.

Моему удивлению нет предела. Но я решаю не задавать вопросов, а принять все как есть. Хотя один вопрос все же крутится на языке.

Дарион ест молча, я тоже. Чувствую, что он наблюдает за мной. Сижу, ощущая его изучающий взгляд, ковыряю манты серебряной вилкой. То, что столовые приборы, тарелки и кубки здесь из серебра, меня уже не удивляет. После удивленного и пережитого за эти дни меня мало что может удивить. Разве что внезапная перемена в самом Дарионе.

С чего это вдруг он проявил любезность к нежеланной жене? Особенно после того, как я послала его на глазах у слуг. Сомневаюсь, что все дело в «ночи любви».

Вот он откладывает приборы, ставит руки локтями на стол и, положив подбородок на переплетенные пальцы, произносит негромко:

– Не знал, что ты умеешь готовить.

Я делаю усилие и проглатываю застрявший кусок.

А Дарион продолжает смотреть. Молча, испытующе.

Ожидая ответа.

В кубках золотится легкое вино. Я запиваю першение в горле и, тщательно подбирая слова, говорю:

– Девушек из благородных семей учат готовить.

Надеюсь. Иначе мне точно несдобровать.

Он изгибает левую бровь. Смотрит чуть удивленно.

– Прежде ты не спускалась на кухню.

– Я была неправа.

Бровь выгибается еще больше. В глазах Дариона вспыхивает насмешка.

– Интересно... – тянет он, откидываясь на спинку стула. Берет кубок и смакует вино. – Интересно... Могу я узнать причину таких изменений?

Теперь уже я удивленно смотрю на него.

– А разве не ясно? Я пытаюсь сохранить наш брак.

Мне кажется, что слова звучат неискренне, лживо. Но я всеми силами пытаюсь не опустить взгляд и не дать голосу дрогнуть. И вообще стараюсь всем своим видом выражать раскаяние и смирение.

Только в чем мне раскаиваться – не пойму.

Анабель, зараза, утаила от меня что-то важное. Непонятно, какие отношения связывают ее с мужем, но взаимной любви там точно нет!

– Сохранить брак? – повторяет Дарион странным тоном. – Не лучшая идея, учитывая мое положение.

Я опускаю голову, делаю вид, что занята содержимым тарелки.

– Ты же понимаешь, о чем я? – спрашивает дарг.

Киваю.

– Да. Ты боишься пропустить Бал Невест и еще на пять лет остаться без наследника.

Слышится шумный вздох.

– Не на пять лет, а навсегда.

Вскидываю на Дариона потрясенный взгляд:

– Навсегда?!

На его губах играет горькая усмешка. В глазах – усталость.

– Да, Ани. Я уже вычерпал свой лимит. Сто пятьдесят лет – это крайний срок, когда дарг может претендовать на невесту, а мне, как ты знаешь, как раз столько и будет в этом году.

Ошеломленно смотрю на него. В голове рефреном повторяется услышанное: сто пятьдесят лет... сто пятьдесят...

Мужчине, что сидит передо мной, целых сто пятьдесят лет! Господи, да это же глубокая старость по нашим меркам!

– Э-э-э... – решаюсь спросить, – а сколько вообще живут дарги?

– По-разному, – отвечает уклончиво и кладет руки на стол, – но своей смертью мало кто умирает.

Я невольно смотрю на его пальцы. Бледные, длинные и

сильные. Пальцы, что касались меня этой ночью.

Вспоминаю, о чем читала в книгах. Да, там говорилось, что дарги очень воинственная раса, и мало кто из них доживает до глубокой старости. В основном, гибнут в боях и стычках.

Но ведь сейчас, вроде, у них временное затишье. Не воюют ни с кем. Или... я ошибаюсь?

Впрочем, какое мне дело? Мне бы со своими проблемами разобраться. Например, повернуть разговор в нужное русло.

Набираюсь храбрости. Глубоко вдыхаю и, протянув руку через стол, накрываю ладонь Дариона.

Его пальцы тут же сжимаются в кулак, в глазах появляется настороженность.

Но руку он не отдергивает, уже хорошо.

Подбодренная, начинаю:

– Бал Невест только через три месяца. Почему мы должны расстаться сейчас? Не лишай нас последнего шанса! Давай попробуем еще раз!

Его лицо застывает. В потемневших глазах плещется непонятное мне пронзительное чувство. Может, боль, а может – надежда. Он колеблется, и я подталкиваю его, добавляя в голос ласковых ноток:

– Пожалуйста, Дар.

Он вздрагивает. Взгляд становится резким, холодным, и я понимаю, что допустила ошибку, только не знаю, в чем именно. Но уже не могу замолчать.

– Доверься мне, – говорю, теряясь под этим взглядом. – Пожалуйста. Обещаю, если у нас ничего не выйдет, я уйду сама. Уйду на твоих условиях и никогда ни о чем не попрошу.

Между нами застывает молчание. Ложится на плечи тяжелым, удушливым облаком.

Дарион продолжает смотреть на меня. А я чувствую, как к щекам приливает то жар, то холод, и внутри у меня все сжимается. «Пожалуйста, – мысленно молю, – пожалуйста, скажи: да!»

Если бы он только знал, как мне это нужно!

Молчание затягивается. Я боюсь, что уже не услышу ответа, но Дарион внезапно отмирает.

– Хорошо, – произносит глухим тоном. – Еще один месяц. Если в течение этого времени ты не зачнешь, мы расстанемся без истерик и упреков. Со своей стороны обещаю, что позабочусь о твоём будущем.

Он высвобождает руку из моих пальцев и, поднявшись, идет к дверям.

– Подожди! – спохватываюсь и вскакиваю вслед за ним. – У меня есть условие!

Дарион застывает. Его плечи напряжены, спина прямая, как палка. Он не считает нужным обернуться ко мне.

– Какое? – слышу бесцветный голос.

– Все ночи этого месяца будут мои. Если тебе по какой-то причине придется покинуть Лемминкейр, ты возьмешь меня

с собой.

И снова молчание. И снова Дарион не торопится отвечать.

Стою, смотрю ему в спину и нервно мну кружева на платье.

– Я подумаю, – раздается ответ.

Дверь закрывается у меня перед носом.

Какое-то время я ошарашенно хлопаю ресницами. Потом на меня накатывает осознание действительности. Оно проходит по телу волной усталости. Ноги наливаются свинцом, и я опускаюсь обратно на стул.

Не хочу даже думать, на что подписалась. Это надо же ляпнуть такое: «все ночи»! Где была моя голова? Точно не думала в этот момент!

Но сказанное слово не воротишь. Придется потерпеть странную «любовь» дарга. Может, удача будет на моей стороне, и терпеть придется недолго. Вдруг я уже «залетела»?

Эта мысль наводит на следующую: отвар! Через три дня он покажет, беременна я или нет. Но зачем терять эти три дня? Анабель обещала мне встречу с сыном за каждую ночь с ее мужем.

Господи, как мерзко это звучит! Сказал бы кто, что такое со мной случится – не поверила бы.

***

После обеда продолжаю изучать замок, потом поднима-

уюсь в библиотеку. Хочу познакомиться с историей самого Лемминкейра.

С Дарионом больше не сталкиваюсь. Догадываюсь, что он нарочно избегает меня. Но я только рада. Не знаю, смогла бы сохранить спокойствие или нет, захоти он прямо сейчас повторить вчерашнее.

А вот мысли о минувшей ночи преследуют меня. Стараюсь о ней не думать, как и обо всех предстоящих ночах. Убеждаю себя, что могло быть и хуже. По крайней мере, у меня ничего не болит. В физическом плане.

А вот в душевном немного сложнее.

У меня стойкое ощущение, что Дарион был намеренно груб. Он даже не пытался быть ласковым. Или за что-то мстил своей жене, или старался ее оттолкнуть. Показать, какая он сволочь, заставить ее забыть дорогу в его кровать.

А может, я просто пытаюсь его очеловечить? Может, для даргов такие отношения в порядке вещей?

Они не влюбляются, не ухаживают и не любят...

Все, я запуталась!

Вздыхнув, захопываю очередной фолиант. Откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

– Светлейшая лъера, – из глубины стеллажей долетает голос Ниффелиуса. – вот еще одна книга. На этот раз «Жизнеописание и славные дела Рейдарна Лемминкейра», отца нашего лаэрда.

– Дарион Рейдеррин Лемминкейр, – произношу, вслуши-

ваясь в звучание слов. Мне уже известно, что у даргов есть свое подобие отчества. – Интересно, а как будет звучать второе имя у сына Дариона?

Призрак останавливается рядом со мной. Я даже с закрытыми глазами ощущаю колебание воздуха и слабый сквознячок.

– Дерреин, светлейшая лъера.

– Красиво, – вынуждена признать.

***

Ужин накрывают в той же трапезной.

Когда я вхожу, Дарион уже там. Но, к моему удивлению, он не один. При моем появлении из-за стола понимаются двое мужчин.

– Светлейшая лъера, – они встречают меня учтивыми кивками.

Я по наитию отвечаю им тем же и бросаю на Дариона вопросительный взгляд.

– У нас гости, – поясняет он, не спуская с меня цепких глаз.

– Эрден Ардеррин Ларрейн, – представляется тот, что выше и помассивнее. – К вашим услугам, светлейшая лъера.

– Хатш, – кивает второй, выступая из тени.

Свет падает ему на лицо, и я застываю в немом изумлении.

Если по Эрдену сразу видно, что он дарг, то с этим Хатшем все немного сложнее. Потому что он эльф. Самый натуральный эльф, о чем говорят острые кончики ушей, точащие из гладко зачесанных белоснежных волос.

Только темный.

У него резкие мужественные черты, которые портит замкнутое выражение, длинные волосы, забранные в высокий хвост, глаза с насыщенно-красной радужкой и матовая темно-серая кожа. С левой стороны его лицо украшает странный рисунок. Сложная вязь спускается от виска вдоль щеки и дальше по шее, пока не прячется под тканью одежды. Рисунок слабо мерцает, и что-то подсказывает, что он не заканчивается на плече.

Эльф ненамного выше меня. Метр семьдесят пять, не больше. Сухощавый и жилистый. Я бы даже сказала, хрупкий, если бы на его открытых предплечьях не перекачивались тренированные мышцы.

В отличие от Дариона и Эрдена, одетых в камзолы, на эльфе простая серая туника без рукавов, перехваченная в поясе кушаком. А за плечами торчат рукоятки двух сабель...

Странно, что он не назвался полным именем. Хатш – скорее, не имя, а кличка. Ему есть что скрывать?

– Эрден – поверенный императора, – бесстрастный голос Дариона напоминает, что я слишком долго таращусь на гостя. – Он будет сопровождать меня в Дардаас. А Хатш просто давний знакомец.

Тяжелый взгляд Дариона переходит с меня на эльфа.

– Не скажу, что рад видеть тебя в своем доме, Су’Арракс, – говорит мой муж, суживая глаза. – Присутствие дроу на наших землях – предвестник беды.

Тонкие губы эльфа кривятся в усмешке. А я едва успеваю прикусить язык: ух ты, дроу! Живой! Раньше про них только в книжках читала, впрочем, как и про драконов.

– Благодарю за гостеприимство.

В ровном голосе дроу слышна насмешка. А еще у него интересный акцент. Он словно нарочно тянет гласные и шипящие буквы.

Делаю мысленную пометку: надо бы разузнать об этой расе побольше! Пока мне известно лишь то, что все эльфы живут на другом континенте. Где-то чудовищно далеко.

– Ани?

Вздрагиваю.

Все трое смотрят на меня. Дарион – хмуро, Эрден – удивленно, эльф – неприязненно.

Кажется, я попалась.

– Извините, – пытаюсь замять неловкий момент, – никогда прежде не видела дроу так близко...

Надеюсь, Анабель не водила дружбу с темными эльфами.

– Садись, – Дарион указывает на стул рядом с собой.

Ах да, я же хозяйка дома. Значит, должна сидеть по левую руку от хозяина...

Потому что по правую уже сидит поверенный императора.

А вот второй гость оказался напротив меня.

Я стараюсь не глазеть на него открыто. Но нет-нет да по-сматриваю. Да и кто бы на моем месте удержался?

А вот ему, судя по выражению на лице, такое внимание неприятно. Он вообще не смотрит ни на кого. Как уткнулся в свою тарелку, так и сидит.

Над столом повисает тягостное молчание, которое неожиданно прерывает Дарион:

– Так на чем мы остановились? Кажется, Эрден рассказывал нам последние столичные новости. Дорогая, попробуй вот это жаркое.

«Дорогая» в его исполнении звучит так хищно и вкрадчиво, что я едва не роняю вилку.

Поднимаю на Дариона изумленный взгляд. Кажется, он ревнует. Ревнует?!

Вот это новость...

Только к кому?

Перевожу взгляд на дроу.

Тот сидит замкнутый, с ожесточенным выражением на лице. И молча кромсает ножом кусок жаркого. Причем делает это так, что мне становится не по себе. Уж не представляет ли этот Хатш Су'Арракс, что кромсает меня?

Дарион подносит к моим губам вилку с кусочком мяса. И явно ждет, что я его съем. Что это, демонстрация наших близких отношений? Показательное выступление для гостей?

Изображаю улыбку:

– Да, милый.

Послушно наклоняюсь к Дариону и беру с его вилки блестящий от соуса кусочек жаркого.

Слышу придушенный вздох. Дарион не спускает с меня странного взгляда.

Ужин продолжается более или менее спокойно. Мужчины говорят о чем-то своем. О каких-то местах и людях, точнее, нелюдях, которых я не знаю. О делах, в которых я ничего не смыслю.

Поначалу внимательно слушаю, зная, что информация лишней не бывает. Но постепенно разговор сводится к обсуждению преимуществ одного оружия перед другим, и я начинаю откровенно скучать.

В какой-то момент ловлю на себе чужой взгляд и понимаю, что вот-вот зевну во весь рот.

К щекам приливает кровь. Надо же так оконфузиться!

– Дорогая, ты свободна, – произносит Дарион с нажимом и смотрит на меня таким взглядом, что не понять намека просто невозможно.

Меня выгоняют из-за стола. Вежливо, но выгоняют.

Ну и черт с ним. Не больно-то и хотелось...

Я уже в дверях, когда меня догоняют слова:

– Прикажи Тариссе растопить камин в моей спальне. Не хочу, чтобы этой ночью ты снова продрогла.

Глава 11

Вылетаю из столовой, от души грохнув дверями.

Дарион не дракон. Он козел! Самый натуральный. Вот к чему публично делать такие намеки? Да еще вспоминать эту Тариссу?

Перед мысленным взором возникает картина: молодая служанка у ног господина. Наклоняется, демонстрируя роскошную грудь. Призывно блестит глазами...

Аня, ты что, ревнуешь?

Кто, я? Да ни в жизнь!

И вообще, я его знаю от силы три дня. Он меня просто бесит! Наглый, самовлюбленный тип, решивший, что женщина – это постельная грелка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.